



*В. И. Ленин (Вен.)*

**TOM 3**

**Владимир Ильич Ленин**  
**Полное собрание**  
**сочинений. Том 3. Развитие**  
**капитализма в России**  
Серия «Полное собрание  
сочинений в 55-ти томах», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=17083500](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083500)*

*Полное собрание сочинений: Издательство политической литературы;  
Москва; 1971*

### **Аннотация**

Третий том содержит произведение В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», написанное им в 1896–1899 годах и изданное отдельной книгой в 1899 году. В том включается также статья Ленина «Некритическая критика», напечатанная в мае – июне 1900 года, явившаяся ответом на рецензию одного из «легальных марксистов» на эту книгу.

# Содержание

Предисловие	6
Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности { 1 }	21
Предисловие к первому изданию	22
Предисловие ко второму изданию { 6 }	29
Глава I. Теоретические ошибки экономистов-народников { 14 }	39
I. Общественное разделение труда	40
II. Рост промышленного населения на счет земледельческого	44
III. Разорение мелких производителей	47
IV. Народническая теория о невозможности реализовать сверхстоимость	50
V. Взгляды а. Смита на производство и обращение всего общественного продукта в капиталистическом обществе и критика этих взглядов у Маркса	57
VI. Теория реализации Маркса	64
VI. Теории о национальном доходе	78
VIII. Почему необходим для капиталистической нации внешний рынок?	87
IX. Выводы из I главы	92

Глава II. Разложение крестьянства	96
I. Земско-статистические данные о Новороссии	97
II. Земско-статистические данные по Самарской губернии	118
III. Земско-статистические данные по Саратовской губернии	129
IV. Земско-статистические данные по пермской губернии	148
Конец ознакомительного фрагмента.	149
Комментарии	

**В. И. Ленин**  
**Полное собрание**  
**сочинений**  
**Том 3**  
**Развитие**  
**капитализма в России**

*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

*Издание пятое*

Печатается по постановлению Центрального Комитета  
Коммунистической партии Советского Союз

# Предисловие

Настоящий том содержит произведение В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», написанное им в 1896–1899 годах и изданное отдельной книгой в 1899 году. В том включается также статья Ленина «Некритическая критика», напечатанная в мае – июне 1900 года, явившаяся ответом на рецензию одного из «легальных марксистов» на эту книгу.

Перед русскими марксистами в тот период встала задача глубокого изучения экономики России. Это было необходимо для окончательного идейного разгрома народничества и определения перспектив революционной борьбы рабочего класса, задач российской социал-демократии. Теоретическая работа русских марксистов, писал Ленин, должна направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, должна *«дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие»* (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 307).

Это научное исследование и было осуществлено Лениным в книге «Развитие капитализма в России», которая явилась завершением ленинских работ 90-х годов, направлен-

ных против либеральных народников и «легальных марксистов», на разработку программных положений революционного марксизма и их применение в конкретных условиях России. Ленин считал, что программа марксистской рабочей партии должна содержать характеристику основных черт экономического строя России, оценку основных классовых сил, определение основной цели и текущих задач революционной борьбы пролетариата. Ленинский труд «Развитие капитализма в России» вместе с другими произведениями Ленина создал теоретическую основу для выработки программы, стратегии и тактики большевизма.

Вопрос «о судьбах капитализма в России», вокруг которого разгорелась тогда борьба между революционными марксистами, с одной стороны, и либеральными народниками и «легальными марксистами», с другой стороны, был важнейшим вопросом теории и практики революционной борьбы. Это был вопрос о том, какой класс призван и может осуществить коренное переустройство общества, на какой класс должны ориентироваться революционеры. Это был вопрос о перспективах развития России, о судьбах революции и условиях ее победы в нашей стране. Ленин поставил эти вопросы в центре своего исследования. Вместо академических споров «о рынках для русского капитализма», какие вели между собой народники и «легальные марксисты», Ленин посвятил свой труд марксистскому анализу общественно-экономического строя и классовой структуры России, обоснова-

нию руководящей роли пролетариата в предстоящей революции. Ленинская работа «Развитие капитализма в России» является замечательным образцом единства революционной теории и практики, соединения научного социализма с рабочим движением, использования теории в качестве оружия революционной практики.

В теоретическом введении Ленин разъясняет и развивает основные положения марксистской политэкономии об общественном разделении труда, простом товарном хозяйстве и неизбежном превращении его в капиталистическое, о создании внутреннего рынка самим развивающимся капитализмом. В борьбе с народническими воззрениями Ленин защищает и обогащает марксистскую теорию капиталистического воспроизводства и кризисов, подчеркивает противоречия капиталистического накопления, реализации общественного продукта, антагонизма между расширением капиталистического производства и ограниченным потреблением вследствие растущего обнищания трудящихся. Раскрывая действительный смысл марксистской теории капиталистической экономики, Ленин указывает, что противоречия капитализма объясняют условия и причины его гибели, революционной замены новым, прогрессивным строем – социализмом. В последних главах книги Ленин на громадном и всестороннем фактическом материале исследует конкретное проявление в российской действительности общих экономических законов развития капиталистического общества.



Анализ развития капитализма в России Ленин начинает с характеристики капиталистической эволюции сельского хозяйства и разложения крестьянства. На основе огромного фактического материала Ленин неопровержимо доказал, что общественно-экономические отношения в русской деревне после реформы 1861 года характеризовались наличием и развитием тех противоречий, которые свойственны товарному хозяйству и капитализму. Эти противоречия показывали, что «строй экономических отношений в «общинной» деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада («народного производства» и т. п.)», как утверждали народники, а представляет «обыкновенный мелкобуржуазный уклад». Ленин показал, что крестьянство не только дифференцируется, «оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, – типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы – сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих» (см. настоящий том, стр. 165, 166).

В работе «Развитие капитализма в России» Ленин дал глубокий анализ общественно-экономического строя помещичьего хозяйства и обрисовал характер эволюции его в пореформенную эпоху. Ленин показал, что в помещичьем хо-

зяйстве сочетались тогда отработочная и капиталистическая системы хозяйства, что отработочная система – прямой пережиток барщинного хозяйства, которое господствовало при крепостном строе. С развитием товарного хозяйства и разложением крестьянства отработочная система постепенно вытеснялась капиталистической системой помещичьего хозяйства. Разоблачая идеализацию либеральными народниками отработочной системы и других пережитков крепостничества, Ленин убедительно доказал, что остатки крепостничества (отработки и барщина в пользу помещика за различные «отрезки» земли, круговая порука, высокие подати, отсутствие свободы распоряжения крестьянской землей, свободы передвижения и переселения крестьянства, гражданская неполноправность и т. д.) тяжелым гнетом ложились на крестьянство царской России.

Кроме помещичьей эксплуатации трудящееся крестьянство было задавлено кулацкой кабалой, грабежом со стороны торгового и ростовщического капитала, который играл громадную роль в пореформенной деревне. Ленин раскрыл глубокий антагонизм между крестьянством и помещиками, а внутри крестьянства – антагонизм между сельской буржуазией и сельским пролетариатом.

В работе «Развитие капитализма в России» показывается огромный рост торгового земледелия в пореформенный период, вскрываются особенности развития товарного производства и капитализма в сельском хозяйстве, выявляется

прогрессивность капитализма в земледелии по сравнению с пережитками феодализма, а также по сравнению с мелким производством. Ленин нанес сокрушительный удар буржуазной теории «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства. Он показал, что и в сельском хозяйстве крупное капиталистическое производство продуктивнее мелкого и неизбежно вытесняет его, что мелкое крестьянское хозяйство держится лишь расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением производительных сил земли. Вскрывая безнадежность и безвыходность положения трудящегося крестьянства при капитализме, Ленин доказал, что мелким крестьянам нет спасения вне присоединения к революционному движению пролетариата, вне революционной борьбы вместе с пролетариатом против всего капиталистического строя.

В книге «Развитие капитализма в России» впервые дан марксистский анализ стадий и форм эволюции капитализма в промышленности пореформенной России. Ленин детально рассматривает три главные стадии развития капитализма в русской промышленности: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские, промыслы) – капиталистическая мануфактура – фабрика (крупная машинная индустрия) в их неразрывной связи, показывает закономерное превращение мелкого товарного производства в капиталистическое, в мануфактуру, и перерастание последней в фабрику, в крупную машинную индустрию. При этом ис-

следует связь каждой из этих форм промышленности с сельским хозяйством.

На основе тщательного анализа обширного фактического материала Ленин выявляет параллелизм в разложении мелких производителей в земледелии и промыслах, вскрывает ожесточенную конкуренцию среди «кустарей», исследует процесс образования отдельными товаропроизводителями сравнительно крупных мастерских, развитие из раздробленного мелкого производства капиталистической простой кооперации. Ленин показывает, как мастерские со значительным числом рабочих вводят постепенно разделение труда и таким образом капиталистическая простая кооперация перерастает в капиталистическую мануфактуру. Ленин впервые дал марксистскую характеристику целого ряда кустарных промыслов как мануфактурной стадии русского капитализма. Мануфактура, указывает Ленин, является промежуточным звеном между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала, с одной стороны, и между крупной машинной индустрией (фабрикой), с другой стороны.

Ленин подробно и всесторонне исследует развитие крупной машинной индустрии в России. Он характеризует крупную машинную (фабричную) индустрию как высшую ступень капитализма в промышленности, основной и существенный признак которой состоит в употреблении для производства системы машин. Переход от мануфактуры к фаб-

рике, указывает Ленин, знаменует полный технический переворот, за которым неизбежно идет крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, обострение и расширение глубоких противоречий капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом, т. е. подготовку материальных условий для перехода к социализму. «Крупная машинная индустрия является, таким образом, последним словом капитализма, последним словом его отрицательных и «положительных моментов»» (стр. 455).

Ленин подчеркивает растущую концентрацию производства в русской промышленности. Уже в 1890 г. 71,1 % общего числа всех фабрично-заводских рабочих было занято на крупных фабриках и заводах (с числом рабочих 100 и более человек). В 1894–1895 гг. крупные предприятия составляли 10,1 % всех фабрик и заводов и сосредоточивали 74 % всех фабрично-заводских рабочих и свыше 70 % суммы производства. В 1903 г. крупные фабрики, имевшие свыше 100 рабочих, составляли в Европейской России 17 % всего числа фабрик и заводов и сосредоточивали 76,6 % всего числа фабрично-заводских рабочих. Ленин особо отмечает, что русские большие фабрики были крупнее германских. Сосредоточение все большей части рабочих на крупных фабриках и заводах, в больших городах и промышленных центрах способствовало сплочению и организации рабочего класса, уве-

личивало его силу и политическую роль в жизни страны, ее дальнейших судьбах.

В итоге исследования Ленин показал, что «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» (стр. 597–598). Вместе с тем Россия, несмотря на развитие в ней капитализма, оставалась страной по преимуществу аграрной, отсталой в технико-экономическом отношении по сравнению с передовыми капиталистическими странами. Многочисленные остатки и пережитки крепостничества являлись главной причиной этого отставания, они тормозили развитие производительных сил страны, тяжелым гнетом лежали на народных массах.

Отмечая прогрессивный характер капитализма в сравнении с феодализмом, помещичьим строем и мелким производством, Ленин в то же время дал яркую характеристику глубоких противоречий и язв капиталистического строя. Произведение Ленина «Развитие капитализма в России» – это гневный обвинительный акт против царизма и русского капитализма.

Книга Ленина явилась не только завершением идейного разгрома народничества, но и разгромом «легальных марксистов». Ленин показал, что «легальные марксисты» являются апологетами капитала, врагами революционного марксизма.

«Легальные марксисты» встретили ленинский труд «Развитие капитализма в России» враждебной критикой. Ленин ответил на эти выпады статьей «Некритическая критика», которая была опубликована в журнале «Научное Обозрение». В этой статье Ленин указывает на необходимость резко размежеваться с людьми, которые, прикрываясь маской «марксистов», извращают революционный марксизм. С особой силой подчеркнул Ленин задачи дальнейшего развития коренных положений марксизма на основе обобщения опыта классовой борьбы пролетариата в новых условиях.

В противоположность представителям «легального марксизма», которые всячески прикрашивали капитализм и превозносили буржуазию, Ленин подчеркивал, что капитализм представляет собой исторически преходящий строй, что его историческая роль заключается в создании материальных предпосылок и субъективных факторов пролетарской революции, перехода к социализму.

В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин дал ясную и четкую характеристику экономики и классовой структуры страны конца XIX столетия. Он вскрыл глубокую экономическую основу классовой борьбы и расстановки классовых сил накануне первой русской революции. Книга Ленина давала ответ на вопрос о характере грядущей революции и ее движущих силах, о роли в ней различных классов.

В своей работе Ленин дал политико-экономическое обос-

нование руководящей роли пролетариата в революции и доказал, что его сила в историческом развитии России неизмеримо больше, чем его численность в общей массе населения. Это целиком подтвердила в дальнейшем история трех революций. Тем самым Ленин нанес сокрушительный удар по догме оппортунистов в международном рабочем движении, согласно которой пролетариат не может и не должен бороться за власть и социализм, пока он не составляет большинства населения в стране.

Ленин показал экономическую основу двойственного положения и двойственной роли крестьянства, вскрыл антагонизм собственнических и пролетарских тенденций внутри крестьянства, корни колебаний его между буржуазией и пролетариатом. Вместе с тем Ленин показал глубокие источники революционности трудового крестьянства и обосновал необходимость союза рабочего класса и крестьянства для борьбы против помещиков, царизма, буржуазии.

Эти положения марксизма, развитые и обоснованные в книге Ленина более полвека назад, имеют и в настоящее время актуальное значение. Гениальные ленинские указания о гегемонии пролетариата, о союзе рабочих и крестьян являются руководящим началом в борьбе народов за демократию, национальное освобождение, за социализм.

Общий вывод, вытекающий из глубокого политико-экономического анализа, данного Лениным в «Развитии капитализма в России», состоял в том, что в России назревает ве-



ликая народная революция, во главе которой стоит пролетариат, имеющий мощного союзника – многомиллионное крестьянство; эта революция не может ограничиться свержением царизма – пролетариат пойдет дальше, к свержению капитализма, к победе социализма.

Ленинский труд «Развитие капитализма в России» вышел в свет через пять лет после опубликования Энгельсом третьего тома «Капитала» Маркса и явился непосредственным продолжением гениального труда Маркса. В предисловии к третьему тому «Капитала» Энгельс указывает, что Маркс долго и тщательно изучал в подлинниках материалы об экономике пореформенной России. Он предполагал на примере России конкретизировать и развить дальше свое учение об эволюции капитализма в сельском хозяйстве. Россия с ее разнообразием форм землевладения и эксплуатации сельскохозяйственных производителей должна была в отделе земельной ренты играть такую же роль, какую играла Англия в первом томе «Капитала» при исследовании промышленного капитализма. Марксу не удалось осуществить этот план, указывает Энгельс. Этот план Маркса осуществил Ленин в книге «Развитие капитализма в России». Вместе с тем Ленин на основе исследования экономики России обогатил новыми положениями и другие разделы политической экономии капитализма, в особенности теорию возникновения и развития капиталистического способа производства, превращения простого товарного хозяйства в капиталистическое и

своеобразия этого процесса в сельском хозяйстве, теорию воспроизводства и кризисов, обобществления труда с ростом концентрации производства.

Неоценимое значение имеет книга Ленина «Развитие капитализма в России» для народов капиталистических и колониальных стран. Всем своим содержанием она убедительно доказывает, что при господстве капитала народные массы обречены на эксплуатацию и нищету, что единственный путь освобождения от ярма помещиков и цепей империализма — это путь революции, путь социализма.

*Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС*



В. И. Ленин (фотопортрет) (1897)

# **Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности<sup>[1]</sup>**

*Написано в 1896–1899 гг.*

*Впервые напечатано отдельной книгой в конце марта  
1899 г.*

*Печатается по тексту второго издания книги 1908 г.*

# Предисловие к первому изданию

Владиміръ Ильинъ.

## РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИЗМА ВЪ РОССІИ.

Процессъ образованія внутреннего рынка для крупной  
промышленности.

---

Цѣна 2 р. 50 к.

Обложка первого издания книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». — 1899 г.

В предлагаемой работе автор задался целью рассмотреть вопрос: как складывается внутренний рынок для русского капитализма? Известно, что вопрос уже поставлен уже давно главными представителями народнических воззрений (во главе их гг. В. В. и Н. — он), и наша задача будет состоять в критике этих воззрений. Мы не считали возможным ограничиться в этой критике разбором ошибок и неправильностей во взглядах противников; нам казалось недостаточным для ответа на поставленный вопрос привести факты, говорящие об образовании и росте внутреннего рынка, ибо могло бы являться возражение, что такие факты выбраны произвольно и опущены факты, говорящие против. Нам казалось необходимым рассмотреть и попытаться изобразить весь процесс развития капитализма в России в его целом. Само собою разумеется, что такая широкая задача была бы не под силу отдельному лицу, если бы не внести в нее ряд ограничений. Во-первых, как видно уже из заглавия, мы берем вопрос о развитии капитализма в России исключительно с точки зрения внутреннего рынка, оставляя в стороне вопрос о внешнем рынке и данные о внешней торговле. Во-вторых, мы ограничиваемся одной пореформенной эпохой. В-третьих, мы берем главным образом и почти исключительно данные о внутренних чисто русских губерниях. В-четвертых, мы ограничи-

ваемся исключительно одной экономической стороной процесса. Но и за всеми указанными ограничениями остающаяся тема чрезвычайно широка. Автор отнюдь не скрывает от себя трудности и даже опасности брать столь широкую тему, но ему казалось, что для разъяснения вопроса о внутреннем рынке для русского капитализма безусловно необходимо показать связь и взаимозависимость отдельных сторон того процесса, который происходит во всех областях общественного хозяйства. Мы ограничиваемся поэтому рассмотрением основных черт процесса, предоставляя дальнейшим исследованиям более специальное изучение его.

План нашей работы таков. В I главе мы рассмотрим, возможно более кратко, основные теоретические положения абстрактной политической экономии по вопросу о внутреннем рынке для капитализма. Это послужит как бы введением для остальной, фактической части сочинения и избавит от необходимости многократных ссылок на теорию в дальнейшем изложении. В трех следующих главах мы постараемся охарактеризовать капиталистическую эволюцию земледелия в пореформенной России, именно во II главе будут разобраны земско-статистические данные о разложении крестьянства, в III – данные о переходном состоянии помещичьего хозяйства, о смене барщинной системы этого хозяйства капиталистическою, и в IV – данные о тех формах, в которых происходит образование торгового и капиталистического земледелия. Три дальнейшие главы будут посвящены формам и ста-



диям развития капитализма в нашей промышленности: в V главе мы рассмотрим первые стадии капитализма в промышленности, именно в *мелкой крестьянской (так наз. кустарной) промышленности*; в VI главе – данные о капиталистической мануфактуре и о капиталистической работе на дому и в VII главе – данные о развитии крупной машинной индустрии. В последней (VIII) главе мы сделаем попытку указать связь между отдельными, изложенными выше, сторонами процесса и дать общую картину этого процесса.

\* \* \*

Р. S.<sup>[2]</sup> К величайшему сожалению, мы не могли воспользоваться для настоящего сочинения тем замечательным анализом «развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе», который дан К. Каутским в его книге: «Die Agrarfrage» (Stuttgart, Dietz, 1899; I. Abschn. «Die Entwicklung der Landwirtschaft in der kapitalistischen Gesellschaft»<sup>1</sup>)<sup>2</sup>.

Эта книга (полученная нами тогда, когда большая часть настоящего сочинения была уже набрана) представляет из себя самое замечательное, после 3-го тома «Капитала»<sup>[3]</sup>, явление новейшей экономической литературы. Каутский ис-

---

<sup>1</sup> Аграрный вопрос» (Штутгарт. Дитц, 1899; I отдел: «Развитие сельского хозяйства в капиталистическом обществе»). *Ред.*

<sup>2</sup> Есть русский перевод.

следует «основные тенденции» капиталистической эволюции земледелия, его задача – рассмотреть разнообразные явления в современном сельском хозяйстве, как «частные проявления одного общего процесса» (Vorrede<sup>3</sup>, VI). Интересно отметить, до какой степени тождественны основные черты этого общего процесса в Западной Европе и в России, несмотря на громадные особенности последней как в экономическом, так и во внеэкономическом отношении. Напр., для капиталистического современного (moderne) земледелия вообще типично прогрессирующее разделение труда и употребление машин (Kautsky, IV, b, c), которое обращает на себя внимание и в пореформенной России (см. ниже, гл. III, § VII и VIII; гл. IV, особенно § IX). Процесс «пролетаризирования крестьянства» (заглавие VIII гл. книги Каутского) выражается повсюду в распространении всяческих видов наемной работы мелких крестьян (Kautsky, VIII, b); – параллельно этому мы наблюдаем в России образование громадного класса наемных рабочих с наделом (см. ниже, гл. II). Существование мелкого крестьянства во всяком капиталистическом обществе объясняется не техническим превосходством мелкого производства в земледелии, а тем, что мелкие крестьяне понижают свои потребности ниже уровня потребностей наемных рабочих и надрываются над работой несравненно сильнее, чем эти последние (Kautsky, VI, b; «сельскохозяйственный наемный рабочий находится в лучшем поло-

---

<sup>3</sup> Предисловие. *Ред.*

жении, чем мелкий крестьянин», – говорит Каутский неоднократно: S.<sup>4</sup> 110, 317, 320); аналогичное явление наблюдается и в России (см. ниже, гл. II, § XI, B<sup>[4]</sup>). Естественно поэтому, что западноевропейские и русские марксисты сходятся в оценке таких, напр., явлений, как «земледельческие отхожие промыслы», употребляя русское выражение, или «наемная земледельческая работа бродячих крестьян», как говорят немцы (Kautsky, S. 192. Ср. ниже, гл. III, § X); – или такого явления, как отход рабочих и крестьян из деревень в города и на фабрики (Kautsky, IX, e; S. 343 особенно; и много других. Ср. ниже, гл. VIII, § II); – перенесение крупной капиталистической промышленности в деревню (Kautsky, S. 187. Ср. ниже VII, § VIII). Мы уже не говорим об одинаковой оценке *исторического* значения земледельческого капитализма (Kautsky, passim<sup>5</sup>, особенно S. 289, 292, 298. Ср. ниже, гл. IV, § IX), об одинаковом признании *прогрессивности* капиталистических отношений в земледелии сравнительно с докапиталистическими [Kautsky, S. 382: «Вытеснение des Gesindes (лично зависимых батраков, челяди) и der Insleute («среднее между батраком и арендатором»: крестьянин, арендующий землю за отработки) поденщиками, которые вне работы – свободные люди, было бы большим социальным прогрессом». Ср. ниже, гл. IV, § IX, 4]. Каутский категорически признает, что о переходе деревенской общины

---

<sup>4</sup> Seite – страница. *Ред.*

<sup>5</sup> В разных местах. *Ред.*

к общинному ведению крупного современного земледелия «нечего и думать» (S. 338), что те агрономы, которые требуют в Западной Европе укрепления и развития общины, – все не социалисты, а представители интересов крупных землевладельцев, желающих привязать к себе рабочих сдачей им клочков земли (S. 334), что во всех европейских странах представители интересов землевладельцев желают привязать сельских рабочих посредством наделения их землей и пытаются уже вводить в законодательство соответствующие мероприятия (S. 162), что против всех попыток помочь мелкому крестьянству посредством насаждения кустарных промыслов (Hausindustrie) – этого худшего вида капиталистической эксплуатации – «следует бороться самым решительным образом» (S. 181). Мы считаем необходимым подчеркнуть полную солидарность воззрений западноевропейских и русских марксистов ввиду новейших попыток представителей народничества провести резкое различие между теми и другими (см. заявление г-на В. Воронцова 17 февраля 1899 г. в обществе для содействия русской промышленности и торговле, «Новое Время», 1899, № 8255 от 19 февраля)<sup>[5]</sup>.

# Предисловие ко второму изданию<sup>[6]</sup>

  
Владимиръ Ильинъ.

## РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИЗМА въ Россіи.

Процессъ образованія внутренняго рынка  
для крупной промышленности.

---

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

---

Обложка второго издания книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» с собственноручной надписью автора. – 1908 г.

Настоящее сочинение написано в период кануна русской революции, во время некоторого затишья, которое наступило после взрыва крупных стачек 1895–1896 годов. Рабочее движение тогда как бы ушло в себя, распространяясь вширь и вглубь и подготавливая начало демонстрационного движения в 1901 году.

Тот анализ общественно-хозяйственного строя и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции. Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения. Экономическая основа того и другого явления доказана в предлагаемой работе.

Далее, революция обнаруживает теперь все более и более двойственное положение и двойственную роль крестьянства. С одной стороны, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты вполне объясняют глубокие источники революционного

крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства, как массы. С другой стороны, и в ходе революции, и в характере разных политических партий, и во многих идейно-политических течениях обнаруживается внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее. Колебание обнищавшего хозяйчика между контрреволюционной буржуазией и революционным пролетариатом так же неизбежно, как неизбежно то явление во всяком капиталистическом обществе, что ничтожное меньшинство мелких производителей наживается, «выходит в люди», превращается в буржуа, а подавляющее большинство либо разоряется совсем и становится наемными рабочими или пауперами, либо живет вечно на границе пролетарского состояния. Экономическая основа обоих течений в крестьянстве доказана в предлагаемой работе.

На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреодолимо. Его никогда нельзя забывать. Его всегда необходимо применять ко всем экономическим и политическим вопросам русской революции.

Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассужде-

ния, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом. Про таких людей, которые выводят, напр., руководящую роль «буржуазии» в революции или необходимость поддержки либералов социалистами из общей истины о характере этой революции, Маркс повторил бы, вероятно, приведенную им однажды цитату из Гейне: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»<sup>[7]</sup>.

На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получивше-



го громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества. Иными словами: либо – сохранение главной массы помещичьего землевладения и главных устоев старой «надстройки»; отсюда – преобладающая роль либерально-монархического буржуа и помещика, быстрый переход на их сторону зажиточного крестьянства, понижение крестьянской массы, не только экспроприруемой в громадных размерах, но закабаляемой к тому же темп или иными кадетскими выкупам, забиваемой и отупляемой господством реакции; душеприказчиками такой буржуазной революции будут политики типа, близкого к октябристам<sup>[8]</sup>. Либо – разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев соответствующей старой «надстройки»; преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контрреволюционной буржуазии; наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства, положении рабочей и крестьянской массы; – отсюда создание наиболее благоприятных условий Для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства. Возможны, конечно, бесконечно разнообразные сочетания элементов того или ино-

го чипа капиталистической эволюции, и только безнадежные педанты могли бы решать возникающие при этом своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитаток из того или иного отзыва Маркса про другую историческую эпоху.

Предлагаемое читателю сочинение посвящено анализу предреволюционной экономики России. В революционную эпоху страна живет так быстро и порывисто, что определение крупных результатов экономической эволюции в разгар политической борьбы невозможно. Гг. Столыпины, с одной стороны, либералы, с другой (и вовсе не одни только кадеты а la<sup>6</sup> Струве, а все кадеты<sup>[9]</sup> вообще), работают систематически, упорно и последовательно над завершением революции по первому образцу. Государственный переворот 3 июня 1907 г., только что пережитый нами, знаменует победу контрреволюции, стремящейся обеспечить полное преобладание помещиков в так паз. российском народном представительстве<sup>[10]</sup>. Но насколько прочна эта «победа», – вопрос иной, и борьба за второй исход революции продолжается. Более или менее решительно, более или менее последовательно, более или менее сознательно к этому исходу стремится не только пролетариат, но и широкие крестьянские массы. Непосредственная массовая борьба, как ни старается контрреволюция задуть ее прямым насилием, как ни стараются кадеты задуть ее своими подленькими и лице-

---

<sup>6</sup> Вроде. *Ред.*

мерными контрреволюционными идейками, прорывается то здесь, то там, несмотря ни на что, и налагает свой отпечаток на политику «трудовых», народнических партий, хотя верхи мелкобуржуазных политиков несомненно заражены (особенно «народные социалисты»<sup>[11]</sup> и трудовики<sup>[12]</sup>) кадетским духом предательства, молчалинства<sup>[13]</sup> и самодовольства умеренных и аккуратных мещан или чиновников.

Чем кончится эта борьба, каков будет окончательный итог первого натиска российской революции, – сейчас еще нельзя сказать. Поэтому не настало еще время (да и непосредственные партийные обязанности участника рабочего движения не оставляют досуга) для полной переработки настоящего сочинения<sup>7</sup>. Второе издание не может выйти из рамок характеристики пореволюционной экономики России. Автор вынужден был ограничиться просмотром и исправлением текста, а также *самыми необходимыми* дополнениями из новейшего статистического материала. Таковы данные последних конских переписей, статистики урожаев, итоги всероссийской переписи населения 1897 года, *новые данные* фабрично-заводской статистики и т. д.

Июль 1907 года.

*Автор*

---

<sup>7</sup> Возможно, что такая переработка потребует продолжения предлагаемой работы, первый том пришлось бы тогда ограничить анализом предреволюционной экономики России, второй том посвятить изучению итогов и результатов революции.



# Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Erster Band.

Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals.

Zweite verbesserte Auflage.

Das Recht der Uebersetzung wird vorbehalten.

Hamburg

Титульный лист второго немецкого издания (1872 г.) первого тома «Капитала» К. Маркса, которым пользовался В. И. Ленин.

# **Глава I. Теоретические ошибки экономистов-народников<sup>[14]</sup>**

Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность. Поэтому для разбора основных теоретических положений о внутреннем рынке мы должны исходить из простого товарного хозяйства и следить за постепенным превращением его в капиталистическое.

# **I. Общественное разделение труда**

Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда. Промышленность обрабатывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами. Развитие товарного хозяйства ведет таким образом к увеличению числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности; тенденция этого развития состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждой отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта; — и не только производство продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению. При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению. При товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию. Этот прогрессивный рост обще-



ственного разделения труда и является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма. «...В товарном производстве и его абсолютной форме – капиталистическом производстве... – говорит Маркс, – продукты лишь постольку являются товарами, т. е. полезностями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации – превращению в деньги, – поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противоплагаются им, как товары и как стоимости; другими словами, постольку, поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги), посредством отчуждения. *Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком*» («Das Kapital», III, 2, 177–178<sup>8</sup>. Русск. пер. 526.<sup>[15]</sup> Курсив наш, как и везде в цитатах, где не оговорено обратное).

Само собой разумеется, что указанное отделение промышленности обрабатывающей от добывающей, мануфактуры от земледелия, превращает и само земледелие в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую то-

---

<sup>8</sup> «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 177–178. *Ред.*

*вары*. Тот процесс специализации, который отделяет один от другого различные виды обработки продуктов, создавая все большее и большее число отраслей промышленности, – проявляется и в земледелии, создавая специализирующиеся районы земледелия (и системы земледельческого хозяйства<sup>9</sup>), вызывая обмен не только между продуктами земледелия и промышленности, но и между различными продуктами и сельского хозяйства. Эта специализация *торгового* (и капиталистического) земледелия проявляется во всех капиталистических странах, проявляется в международном разделении труда, проявляется и в пореформенной России, как мы покажем подробно ниже.

Итак, общественное разделение труда есть основа всего процесса развития товарного хозяйства и капитализма. Вполне естественно поэтому, что наши теоретики народничества, объявляя этот последний процесс результатом искусственных мер, результатом «уклонения с пути» и пр. и пр., старались затушевать факт общественного разделения труда в России или ослабить значение этого факта. Г-н В. В. в своей статье: «Разделение труда земледельческого и про-

---

<sup>9</sup> Так, напр., И.А. Стебут в своих «Основах полевой культуры» различает в земледелии системы хозяйства по главному рыночному продукту. Главных систем хозяйства три. 1) полеводственная (зерновая, по выражению г. А.Скворцова), 2) скотоводственная (главный рыночный продукт – продукты скотоводства) и 3) заводская (техническая, по выражению г. А.Скворцова); главный рыночный продукт – земледельческие продукты, подвергаемые технической переработке. См А. Скворцов. «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство». Варшава, 1890. Стр 68 и след.

мышленного в России» («Вестник Европы», 1884, № 7) «отрицал» «господство в России принципа общественного разделения труда» (стр. 347), объявлял, что у нас общественное разделение труда «не выросло из глубины народной жизни, а пыталось втиснуться в нее со стороны» (стр. 338). Г-н Н. — он в своих «Очерках» рассуждал следующим образом об увеличении количества хлеба, поступающего в продажу: «Это явление могло бы означать, что произведенный хлеб распределяется равномернее по государству, что архангельский рыболов ест теперь самарский хлеб, а самарский земледelec приправляет свой обед архангельской рыбой. *В действительности же ничего подобного не происходит*» ((«Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». СПб. 1893, стр. 37). Без всяких данных, вопреки общеизвестным фактам, здесь прямо декретируется отсутствие общественного разделения труда в России! Народническую теорию об «искусственности» капитализма в России и нельзя было построить иначе, как отрицая или объявляя «искусственной» самую основу всякого товарного хозяйства — общественное разделение труда.

## II. Рост промышленного населения на счет земледельческого

Так как в эпоху, предшествующую товарному хозяйству, промышленность обрабатывающая соединена с добывающей, а во главе этой последней стоит земледелие, то развитие товарного хозяйства представляется отделением от земледелия одной отрасли промышленности за другой. Население страны с слабо развитым (или вовсе неразвитым) товарным хозяйством представляется почти исключительно земледельческим; этого однако не следует понимать так, что население занимается только земледелием: это означает лишь, что население, занятое земледелием, само обрабатывает продукты земледелия, что обмен и разделение труда почти отсутствуют. Развитие товарного хозяйства означает, следовательно, *eo ipso*<sup>10</sup> отделение все большей и большей части населения от земледелия, т. е. рост промышленного населения на счет земледельческого. *«По самой своей природе капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала на счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного*

---

<sup>10</sup> Тем самым. *Ред.*

капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно; следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения» («Das Kapital», III, 2, 177. Русск. пер., стр. 526)<sup>[16]</sup>. Таким образом, нельзя себе представить капитализма без увеличения торгово-промышленного населения па счет земледельческого, и всякий знает, что это явление самым рельефным образом обнаруживается во всех капиталистических странах. Вряд ли есть надобность доказывать, что значение этого обстоятельства в вопросе о внутреннем рынке громадно, ибо оно связано неразрывно и с эволюцией промышленности и с эволюцией земледелия; образование промышленных центров, увеличение их числа и притяжение ими населения не может не оказывать самого глубокою слияния на весь строй деревни, не может не вызывать роста торгового и капиталистического земледелия. Тем знаменательнее тот факт, что представители народнической экономии совершенно игнорируют этот закон как в своих чисто теоретических рассуждениях, так и в рассуждениях о капитализме в России (об особенностях проявления этого закона в России мы будем подробно говорить ниже, в VIII главе). В теориях гг. В. В. и Н. —она о внутреннем рынке для капитализма опущена сущая мелочь: отвлечение населения

от земледелия к промышленности и влияние этого факта на земледелие<sup>11</sup>.

---

<sup>11</sup> На одинаковое отношение к вопросу о росте индустриального населения западноевропейских романтиков и русских народников мы указывали в статье «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисиондисты». (См. Сочинения, 5 изд., том 2. *Ред*)

### III. Разорение мелких производителей

До сих пор мы имели дело с простым товарным производством. Теперь мы переходим к капиталистическому производству, т. е. предполагаем, что вместо простых товаропроизводителей перед нами, с одной стороны, владелец средств производства, с другой – наемный рабочий, продавец рабочей силы. Превращение мелкого производителя в наемного рабочего предполагает потерю им средств производства – земли, орудий труда, мастерской и пр. – т. е. его «обеднение», «разорение». Является воззрение, что это разорение «сокращает покупательную способность населения», «сокращает внутренний рынок» для капитализма (г. Н. —он, I. с.<sup>12</sup>, стр. 185. Тоже стр. 203, 275, 287, 339–340 и др. Та же точка зрения и у г. В. В. в большинстве его произведений). Мы не касаемся здесь фактических данных о ходе этого процесса в России, – в следующих главах мы подробно рассмотрим эти данные. В настоящее же время вопрос ставится чисто теоретически, т. е. о товарном производстве вообще при превращении его в капиталистическое. Указанные писатели ставят этот вопрос тоже теоретически, т. е. от одного факта разорения мелких производителей заключают к сокраще-

---

<sup>12</sup> Loco citato – в цитированном месте. *Ред.*

нию внутреннего рынка. Такое воззрение совершенно ошибочно, и объяснить его упорное переживание в нашей экономической литературе можно только романтическими предубеждениями народничества (ср. указанную в примечании статью<sup>13</sup>). Забывают, что «освобождение» одной части производителей от средств производства необходимо предполагает переход этих последних в другие руки, превращение их в капитал; – предполагает, следовательно, что новые владельцы этих средств производства производят в виде товаров те продукты, которые раньше шли на потребление самого производителя, т. е. расширяют внутренний рынок; – что, расширяя свое производство, эти новые владельцы предъявляют спрос рынку на новые орудия, сырые материалы, на средства транспорта и пр., а также и на предметы потребления (обогащение этих новых владельцев естественно предполагает и рост их потребления). Забывают, что для рынка важно вовсе не благосостояние производителя, а наличность у него денежных средств; упадок благосостояния патриархального крестьянина, ведшего ранее преимущественно натуральное хозяйство, вполне совместим с увеличением в его руках количества денежных средств, ибо, чем дальше разоряется такой крестьянин, тем более вынужден он прибегать к продаже своей рабочей силы, тем большую часть своих (хотя бы и более скудных) средств существования он должен приобретать на рынке. «С освобождением части сельского насе-

---

<sup>13</sup> Настоящий том, стр. 25. *Ред.*



ления (от земли) освобождаются также его прежние средства существования. Они обращаются теперь в вещественные элементы переменного капитала» (капитала, затрачиваемого на покупку рабочей силы) («Das Kapital», I, 776)<sup>[17]</sup>. «Экспроприация и изгнание части сельского населения не только освобождает вместе с рабочими их жизненные средства и их рабочий материал для промышленного капиталиста, но и *создает внутренний рынок*» (ibid.<sup>14</sup>, 778)<sup>[18]</sup>. Таким образом, с абстрактно-теоретической точки зрения, разорение мелких производителей в обществе развивающегося товарного хозяйства и капитализма означает как раз обратное тому, что хотят вывести из него гг. Н. — он и В. В., означает создание, а не сокращение внутреннего рынка. Если тот же самый г. Н. — он, объявляющий *a priori*<sup>15</sup>, что разорение русских мелких производителей означает сокращение внутреннего рынка, цитирует тем не менее приведенные сейчас обратные утверждения Маркса («Очерки», с. 71 и 114), то это доказывает только замечательную способность этого писателя побивать себя цитатами из «Капитала».

---

<sup>14</sup> Ibidem — там же. *Ред.*

<sup>15</sup> Заранее. *Ред.*

## **IV. Народническая теория о невозможности реализовать сверхстоимость**

Дальнейший вопрос в теории внутреннего рынка состоит в следующем. Известно, что стоимость продукта в капиталистическом производстве распадается на три следующие части: 1) первая возмещает постоянный капитал, т. е. ту стоимость, которая существовала и раньше в виде сырых и вспомогательных материалов, машин и орудий производства и т. п., и которая только воспроизводится в известной части готового продукта; 2) вторая часть возмещает переменный капитал, т. е. покрывает содержание рабочего, и, наконец, 3) третья часть составляет прибавочную стоимость, принадлежащую капиталисту. Принимается обыкновенно (мы излагаем этот вопрос в духе гг. Н. — она и В.В.), что реализация (т. е. нахождение соответственной эквивалента, сбыт на рынке) первых двух частей не представляет затруднения, ибо первая часть идет на производство, а вторая — на потребление рабочею класса. Но как реализуется 3-я часть — прибавочная стоимость? Не может же она быть потреблена целиком капиталистами! И наши экономисты приходят к выводу, что «выходом из затруднения» по реализации сверхстоимости<sup>[19]</sup> является «приобретение внешнего рынка» (Н. — он. «Очерки»,

отд. II, § XV вообще и стр. 205 в особенности; В. В. «Излишек снабжения рынка товарами» в «Отечественных Записках» за 1883 г. и «Очерки теоретической экономии». СПб. 1895 г., стр. 179 и след.). Необходимость внешнего рынка для капиталистической нации объясняется названными писателями тем, что капиталисты не могут иначе реализовать продуктов. Внутренний рынок в России сокращается вследствие разорения крестьянства и вследствие невозможности реализовать сверхстоимость без внешнего рынка, а внешний рынок недоступен для молодой страны, слишком поздно выступающей на путь капиталистического развития, — и вот беспочвенность и мертворожденность русского капитализма объявляются доказанными на основании одних априорных (и притом теоретически неверных) соображений!

Г-н Н. — он, рассуждая о реализации, видимо имел в силу учение Маркса об этом предмете (хотя он ни одним словом не упомянул о Марксе и этом месте своих «Очерков»), но абсолютно не понял его и извратил до неузнаваемости, как мы сейчас увидим. Поэтому и произошла такая курьезная вещь, что его взгляды совпали во всем существенном со взглядами г-на В. В. которого никак нельзя обвинить в «непонимании» теории, ибо было бы величайшей несправедливостью заподозрить его хотя в малейшем знакомстве с пей. Оба автора излагают свои учения так, как будто бы они первые говорили об этом предмете, дойдя «своим умом» до известных решений, оба самым величественным образом

игнорируют рассуждения старых экономистов по этому вопросу, и оба повторяют старые ошибки, обстоятельнейшим образом опровергнутые во II томе «Капитала»<sup>16[116]</sup>. Оба автора сводят весь вопрос о реализации продукта к реализации сверхстоимости, воображая очевидно, что реализация постоянного капитала не представляет затруднения. Это наивное воззрение заключает в себе самую глубокую ошибку, из которой вытекли все дальнейшие ошибки народнического учения о реализации. На самом деле, трудность вопроса при объяснении реализации состоит именно в объяснении реализации постоянного капитала. Для того, чтобы быть реализованным, постоянный капитал должен быть снова обращен на производство, а это осуществимо непосредственно лишь для того капитала, продукт которого состоит в средствах производства. Если же возмещающий постоянную часть капитала продукт состоит в предметах потребления, то непосредственное обращение его на производство невозможно, необходим *обмен* между тем подразделением общественной продукции, которое изготовляет средства произ-

---

<sup>16</sup> Особенно поразительна при этом смелость г-на В.В., превосходящая всякие границы литературно допустимого. Изложивши свое учение и обнаружив полное незнакомство со вторым томом «Капитала», где трактуется именно о реализации, г. В.В. тут же, невступно<sup>[116]</sup>, заявляет, что он «воспользовался для своих построений» именно теорией Маркса!! («О черни теоретической экономии», очерк III «Капиталистический закон (sic!?) производства, распределения и потребления», стр. 162.)

<sup>[116]</sup> «Невступно» – в данном месте означает: неправомерно, без всяких оснований.

водства, и тем, которое изготавливает предметы потребления. В этом именно пункте и заключается вся трудность вопроса, *не замечаемая* нашими экономистами. Г-н В. В. представляет дело вообще так, будто целью капиталистического производства было не накопление, а потребление, глубоко мысленно рассуждая о том, что «в руки меньшинства поступает масса материальных предметов, превышающая потребительные способности организма» (sic!<sup>17</sup>) «в данный момент их развития» (1. с., 149), что «не скромность и воздержание фабрикантов служат причиной излишка продуктов, а ограниченность или недостаточная эластичность человеческого организма (!!), не успевающего расширять свои потребительные способности с той быстротой, с какой растет прибавочная стоимость» (ib., 161). Г-н Н. — он старается представить дело так, как будто он не считает потребление целью капиталистического производства, как будто он принимает во внимание роль и значение средств производства в вопросе о реализации, но на самом деле он совершенно не выяснил себе процесса обращения и воспроизводства всего общественного капитала, запутавшись в целом ряде противоречий. Мы не останавливаемся подробно на разборе всех этих противоречий (с. 203–205 «Очерков» г-на Н. — она) — это слишком неблагоприятная задача (отчасти выполненная уже г. Булгаковым<sup>18[117]</sup> в его книге: «О рынках при

---

<sup>17</sup> Так! *Ред.*

<sup>18</sup> Современному читателю не лишне напомнить, что г Булгаков, а также ци-

капиталистическом производстве». М. 1897, стр. 237–245), да к тому же для доказательства приведенной сейчас оценки рассуждений г-на Н. —она достаточно разобрать его конечный вывод, именно, что внешний рынок является выходом из затруднения по реализации сверхстоимости. Этот вывод г-на Н. —она (в сущности простое повторение вывода г-на В. В.) показывает самым наглядным образом, что он совершенно не понял ни реализации продукта в капиталистическом обществе (т. е. теорию внутреннего рынка), ни роли внешнего рынка. В самом деле, есть ли хоть крупица здравого смысла в этом привлечении внешнего рынка к вопросу о «реализации»? Вопрос о реализации состоит в том, каким образом для каждой части капиталистического продукта по стоимости (постоянный капитал, переменный капитал и сверхстоимость) и по его материальной форме (средства производства, предметы потребления, в частности, предметы необходимости и предметы роскоши) найти замещающую ее на рынке другую часть продукта. Ясно, что внешняя торговля должна быть при этом абстрагирована, ибо привлечение ее ни на волос не подвигает вперед решения вопроса, а

---

тируемые нередко ниже гг. Струве и Туган-Барановский старались быть марксистами в 1899 г. Теперь все они благополучно превратились из < критиков Маркса > в дюжинных буржуазных экономистов. (*Примечание ко 2-му изданию.*<sup>[117]</sup>)

<sup>[117]</sup> Здесь и в дальнейшем пометка «*Примечание ко 2-му изданию*» принадлежит В. И. Ленину. Эти примечания написаны при подготовке второго издания книги (1908 года). Примечания редакции настоящего издания везде отмечены «*Ред.*».

только отодвигает его, перенося вопрос с одной страны на несколько стран. Тот же самый г. Н. — он, который нашел во внешней торговле «выход из затруднения» по реализации сверхстоимости, рассуждает, например, о заработной плате таким образом: той частью годовичного продукта, которую получают в виде заработной платы непосредственные производители — рабочие, «можно извлечь из обращения только такую часть средств существования, которая по стоимости равняется валовой сумме заработной платы» (203). Спрашивается, откуда знает пат экономист, что капиталисты данной страны произведут как раз столько и как раз такого качества средства существования, чтобы они могли быть реализованы заработной платой? Откуда знает он, что при этом можно обойтись без внешнего рынка? Очевидно, что знать этого он не может, что он просто устранил вопрос о внешнем рынке, ибо в рассуждении о реализации переменного капитала важно замещение одной частью продукта другой и вовсе не важно, произойдет ли это замещение внутри одной или внутри двух стран. Однако по отношению к сверхстоимости он отступает от этой необходимой посылки и вместо решения вопроса просто уклоняется от вопроса, говоря о внешнем рынке. Сбыт продукта на внешнем рынке сам требует объяснения, т. е. нахождения эквивалента для сбываемой части продукта, нахождения другой части капиталистического продукта, способной заменить первую. Вот почему Маркс и говорит, что внешнего рынка, внешней торговли «совсем не

надо принимать во внимание» при разборе вопроса о реализации, ибо «введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее» («Das Kapital», II, 469)<sup>[20]</sup>. Гг. В. В. и Н. —он воображали, что они глубоко оценивали противоречия капитализма, указывая на затруднения по реализации сверхстоимости. На самом же деле они оценивали противоречия капитализма крайне поверхностно, ибо если говорить о «затруднениях» реализации, о возникающих отсюда кризисах и проч., то должно признать, что эти «затруднения» не только возможны, но и необходимы по отношению ко всем частям капиталистического продукта, а отнюдь не по отношению к одной сверхстоимости. Затруднения этого рода, зависящие от непропорциональности распределения различных отраслей производства, постоянно возникают не только при реализации сверхстоимости, но и при реализации переменного и постоянного капитала; не только при реализации продукта в предметах потребления, но также и в средствах производства. Без этого рода «затруднений» и кризисов вообще не может существовать капиталистическое производство, производство обособленных производителей на не известный им мировой рынок.



## **V. Взгляды а. Смита на производство и обращение всего общественного продукта в капиталистическом обществе и критика этих взглядов у Маркса**

Для того, чтобы разобраться в учении о реализации, мы должны начать с Ад. Смита, который положил основание ошибочной теории по данному вопросу, царившей безраздельно в политической экономии до Маркса. А. Смит разделял цену товара только на две части: переменный капитал (заработная плата, по его терминологии) и сверхстоимость («прибыль» и «рента» у него не соединяются вместе, так что всего он считал собственно три части)<sup>19</sup>. Точно так же разделял он и всю совокупность товаров, весь годичный продукт общества на те же части и прямо относил их в «доход» двух классов общества: рабочих и капиталистов (предпринимате-

---

<sup>19</sup> *Adam Smith*. «An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations», 4-е изд., 1801, vol. I, p. 75 (*Адам Смит*, «Исследование о природе и причинах богатства народов», 4-е изд., 1801, том I, стр. 75. *Ред.*). Книга I: «О причинах увеличения производительной силы труда и о естественном порядке распределения продукта труда между различными слоями народа», гл. 6: «О составных частях пены товаров». Русск. пер. Бибикова (СПб. 1866), т. I, стр. 171.

лей и землевладельцев, у Смита)<sup>20</sup>.

На чем же основано у него опущение третьей составной части стоимости – постоянного капитала? Ад. Смит не мог не видеть этой части, но он полагал, что она сводится тоже на заработную плату и сверхстоимость. Вот как он рассуждал об этом предмете: «В цене хлеба, например, одна часть оплачивает ренту землевладельца, другая – заработную плату или содержание работника и рабочего скота, употребленного на производство этого хлеба, и третья часть – прибыль фермера. Эти три части непосредственно или в последнем счете составляют, по-видимому, всю цену хлеба. Пожалуй, можно бы было думать, что необходима четвертая часть для возмещения капитала фермера или для возмещения изнашивания его рабочего скота и других орудий земледельческого хозяйства. Но следует принять во внимание, что цена всякого орудия в хозяйстве, например, рабочей лошади, сама состоит из тех же 3-х частей» (именно: ренты, прибыли и заработной платы). «Поэтому, хотя цена хлеба и оплачивает цену и содержание лошади, но тем не менее полная цена его разлагается, непосредственно или в конечном счете, на те же самые три части: ренту, заработную плату и прибыль»<sup>21</sup>. Маркс называет эту теорию Смита «изумительной». «Его доказательство состоит просто в повторении того же самого утверждения» (II, S. 366)<sup>[21]</sup>. Смит «отсылает нас от

---

<sup>20</sup> L. c., I, p. 78. Русск. пер., I, с. 174.

<sup>21</sup> Ibid., v. I, p. 75–76. Русск. пер., I, с. 171.

Понтия к Пилату» (I. В., 2. Aufl., S. 612<sup>22</sup>)<sup>[22]</sup>. Говоря, что цена орудий хозяйства *сама* распадается на те же три части, Смит забывает добавить: и на цену тех средств производства, которые употреблены при изготовлении этих орудий. Ошибочное исключение постоянной части капитала из цены продукта стоит в связи у А. Смита (а равно и у последующих экономистов) с ошибочным пониманием накопления в капиталистическом хозяйстве, т. е., расширения производства, превращения сверхстоимости в капитал. А. Смит и Здесь опускал постоянный капитал, полагая, что накапливаемая, обращаемая в капитал часть сверхстоимости целиком потребляется производительными рабочими, т. е. целиком идет на заработную плату, тогда как на самом деле накапливаемая часть сверхстоимости расходуется на постоянный капитал (орудия производства, сырые и вспомогательные материалы) плюс заработная плата. Критикуя это воззрение Смита (а также Рикардо, Милля и др.) в I томе «Капитала» (отд. VII, «Процесс накопления», гл. 22: «Превращение сверхстоимости в капитал», § 2. «Ошибочное понимание расширенного воспроизводства у политико-экономов»), Маркс замечал там: во II томе «будет показано, что догма А. Смита, унаследованная всеми его преемниками, помешала политической экономии понять даже самый элементарный механизм процесса общественную воспроизводства» (I, 612)<sup>[23]</sup>. Ад. Смит впал в эту ошибку потому, что смешал стоимость продук-

---

<sup>22</sup> I том, 2-ое издание, стр. 612. *Ред.*

та с вновь созданной стоимостью: последняя, действительно, распадается на переменный капитал и сверхстоимость, тогда как первая включает сверх того и постоянный капитал. Разоблачение этой ошибки дано было уже в анализе стоимости у Маркса, установившего различие между трудом абстрактным, создающим новую стоимость, и трудом конкретным, полезным, воспроизводящим раньше существовавшую стоимость в новой форме полезного продукта<sup>[24]</sup>.

Разъяснение процесса воспроизводства и обращения всего общественного капитала особенно необходимо при разрешении вопроса о национальном доходе в капиталистическом обществе. Чрезвычайно интересно, что А. Смит, говоря об этом последнем вопросе, не мог уже удержаться на своей ошибочной теории, исключаящей постоянный капитал из всего продукта страны. «Валовой доход (gross revenue) всех жителей большой страны обнимает весь годовой продукт их земли и их труда, а чистый доход (neat revenue) обнимает то, что остается за вычетом расходов на поддержание, во-первых, их основного капитала, во-вторых, их оборотного капитала, т. е. чистый доход обнимает то, что они могут, не затрагивая своего капитала, обратить в запас (stock) для непосредственного потребления, или израсходовать на средства существования, удобства или удовольствия» (А. Smith, кн. II. «О природе, накоплении и употреблении запаса», гл. II, vol. II, p. 18. Русск. пер., II, с. 21). Таким образом, из всего продукта страны А. Смит исключал капитал, утверждая, что

он разложится на заработную плату, прибыль и ренту, т. е. на (чистые) доходы; но в валовой доход общества он включает капитал, отделяя его от предметов потребления (= чистый доход). На этом противоречии и ловит Маркс Ад. Смита: как же может быть *капитал* в *доходе*, если *капитала* не было в *продукте*? (Ср. «Das Kapital», II, S. 355<sup>[25]</sup>.) Незаметно для самого себя Ад. Смит признает здесь три составные части стоимости всего продукта: не только переменный капитал и сверхстоимость, но также и постоянный капитал. В дальнейшем рассуждении Ад. Смит наталкивается и на другое важнейшее различие, которое имеет громадное значение в теории реализации. «Очевидно, – говорит он, – что все расходы на поддержание основного капитала должны быть исключены из чистого дохода общества. Ни материалы, необходимые для содержания в исправности полезных машин, промышленных орудий, полезных строений и пр., *ни продукт труда, необходимого для превращения этих материалов в пригодную форму, никогда не могут составить части чистого дохода*. Правда, цена этого труда может составить часть чистого дохода, так как занятые этим трудом рабочие могут обратить всю стоимость их заработной платы в запас непосредственного потребления». Но в других видах труда и «цепя» (труда) «и продукт» (труда) «входят в этот запас непосредственного потребления: именно – цена труда входит в запас рабочих, а продукт – в запас других лиц» (А. Smith, *ibid.*). Здесь проглядывает сознание необходимости разли-

чать два вида труда: один – дающий предметы потребления, могущие войти в «чистый доход»; другой – дающий полезные машины, промышленные орудия, строения пр.», т. е. такие предметы, которые никогда не могут войти в личное потребление. Отсюда уже один шаг до признания того, что для объяснения реализации безусловно необходимо различать два вида потребления: личное и производительное (= обращение на производство). Исправление двух указанных ошибок Смита (опущение постоянного капитала из стоимости продукта и смешение личного и производительного потребления) и дало возможность Марксу построить его замечательную теорию реализации общественного продукта в капиталистическом обществе.

Что касается до других экономистов между Ад. Смитом и Марксом, то они все повторяли ошибку Ад. Смита<sup>23</sup> и потому не сделали ни шага вперед. Какая путаница царит поэтому в учениях о доходе, об этом мы скажем еще ниже. В том споре, который вели насчет возможности общего товарного перепроизводства Рикардо, Сэй, Милль и др. – с одной стороны, и Мальтус, Сисмонди, Чомерс, Кирхман и др. – с другой стороны, обе стороны стояли на почве ошибочной теории Смита, и потому, по справедливому замечанию г. С. Булгакова, «при неверности исходных точек зрения и неверном

---

<sup>23</sup> Напр., Рикардо утверждал: «Весь продукт почвы и труда каждой страны разделяется на три части: одна из них посвящается на задельную плату, другая на прибыль, третья на ренту» («Сочинения», перевод Зибер. СПб. 1882, стр. 221).

формулировании самой проблемы, эти споры могли повести только к пустым и схоластическим словопрениям» (1. с., стр. 21. См. изложение этих словопрений у Туган-Барановского: «Промышленные кризисы и т. д.». СПб. 1894, стр. 377–404).

## **VI. Теория реализации Маркса**

Из вышеизложенного следует уже само собой, что основные посылки, на которых построена теория Маркса, состоят в двух следующих положениях. Первое – что весь продукт капиталистической страны, подобно единичному продукту, состоит из трех следующих частей: 1) постоянный капитал, 2) переменный капитал, 3) сверхстоимость. Для того, кто знаком с анализом процесса производства капитала в I томе «Капитала» Маркса, это положение подразумевается само собой. Второе положение, что необходимо различать два большие подразделения капиталистического производства, именно (I подразделение) производство средств производства – предметов, которые служат для производительного потребления, т. е. для обращения на производство, которые потребляются не людьми, а капиталом, и (II подразделение) производство предметов потребления, т. е. предметов, идущих на личное потребление. «В одном этом делении больше теоретического смысла, чем во всех предшествовавших словопрениях относительно теории рынков» (Булгаков, 1. с., 27). Является вопрос, почему такое деление продуктов по их натуральной форме необходимо именно теперь, при анализе воспроизводства общественного капитала, тогда как анализ производства и воспроизводства индивидуального капитала обходился без такого разделения, оставляя совершенно



в стороне вопрос о натуральной форме продукта. На каком основании можем мы вводить вопрос о натуральной форме продукта в теоретическое исследование капиталистического хозяйства, построенного всецело на меновой стоимости продукта? Дело в том, что при анализе производства индивидуального капитала вопрос о том, где и как будет продан продукт, где и как будут куплены предметы потребления рабочими и средства производства капиталистами, был отодвигаем, как ничего не дающий для этого анализа и не относящийся к нему. Там подлежал рассмотрению только вопрос о стоимости отдельных элементов производства и о результате производства. Теперь же вопрос состоит именно в том, откуда возьмут предметы своего потребления рабочие и капиталисты? откуда возьмут последние средства производства? каким образом произведенный продукт покроеет все эти запросы и даст возможность расширить производство? Здесь мы имеем, следовательно, не только «возмещение стоимости, но и возмещение натуральной формы продукта» (Stoffersatz. – «Das Kapital», II, 389)<sup>[26]</sup>, и потому безусловно необходимо различие продуктов, играющих совершенно разнородную роль в процессе общественного хозяйства.

Раз приняты во внимание эти основные положения, – вопрос о реализации общественного продукта в капиталистическом обществе не представляет уже трудности. Предположим сначала простое воспроизводство, т. е. повторение

процесса производства в прежних размерах, отсутствие накопления. Очевидно, что переменный капитал и сверхстоимость II подразделения (существующие в форме предметов потребления) реализуются личным потреблением рабочих и капиталистов этого подразделения (ибо простое воспроизводство предполагает, что вся прибавочная стоимость потребляется и ни одна часть ее не превращается в капитал). Далее, переменный капитал и сверхстоимость, существующие в форме средств производства (I подразделение), должны быть для реализации обменены на предметы потребления для капиталистов и рабочих, занятых изготовлением средств производства. С другой стороны, и постоянный капитал, существующий в форме предметов потребления (II подразделение), не может быть реализован иначе, как обменом на средства производства, для того, чтобы быть снова обращенным на производство в следующем году. Таким образом мы получаем обмен переменного капитала и сверхстоимости в средствах производства на постоянный капитал в предметах потребления: рабочие и капиталисты (в подразделении средств производства) получают таким образом средства существования, а капиталисты (в подразделении предметов потребления) сбывают свой продукт и получают постоянный капитал для нового производства. При условии простого воспроизводства эти обмениваемые части должны быть равны между собою: сумма переменного капитала и сверхстоимости в средствах производства должна быть рав-

на постоянному капиталу в предметах потребления. Наоборот, если предположить воспроизводство в расширяющихся размерах, т. е. накопление, то первая величина должна быть больше второй, потому что должен быть налицо излишек средств производства для начала *нового* производства. Возвращаемся, однако, к простому воспроизводству. У нас осталась нереализованной еще одна часть общественного продукта, именно постоянный капитал в средствах производства. Он реализуется отчасти обменом между капиталистами этого же подразделения (например, каменный уголь обменивается на железо, ибо каждый из этих продуктов служит необходимым материалом или орудием в производстве другого), а отчасти и непосредственным обращением на производство (например, каменный уголь, добытый для того, чтобы быть обращенным в этом же предприятии опять на добычу угля; зерно в сельском хозяйстве и т. п.). Что касается до накопления, то исходным пунктом его является, как мы видели, избыток средств производства (которые берутся из сверхстоимости капиталистов этого подразделения), требующий также превращения в капитал части сверхстоимости в предметах потребления. Детально рассматривать вопрос, каким образом это добавочное производство будет соединяться с простым воспроизводством, мы считаем излишним. В нашу задачу не входит специальное рассмотрение теории реализации, а для уяснения ошибки народников-экономистов и для возможности сделать известные теоретические выводы

ды о внутреннем рынке достаточно и вышесказанного<sup>24[118]</sup>.

По интересующему нас вопросу о внутреннем рынке главный вывод из теории реализации Маркса следующий: рост капиталистического производства, а, следовательно, и внутреннего рынка, идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства. Иначе: рост средств производства обгоняет рост предметов потребления. В самом деле, мы видели, что постоянный капитал в предметах потребления (II подразделение) обменивается на переменный капитал + сверхстоимость в средствах производства (I подразделение). Но, по общему закону капиталистического производства, постоянный капитал растет быстрее переменного. Следовательно, постоянный капитал в предметах потребления должен возрастать быстрее, чем переменный капитал и сверхстоимость в предметах потребления, а постоянный капитал в средствах производства должен возра-

---

<sup>24</sup> См. «DasKapital», II. Band, III. Abschn. («Капитал», том II, отдел III<sup>[118]</sup>. Ред), где подробно исследовано и накопление, и разделение предметов потребления на предметы необходимости и предметы роскоши, и денежное обращение, и сращивание основного капитала, и т. д. ... Для читателей, не имеющих возможности ознакомиться с II томом «Капитала», можно рекомендовать изложение марксовой теории реализации в цитированной выше книге г. С. Булгакова. Изложение г. Булгакова удовлетворительнее, чем изложение г. М. Туган-Барановского («Промышл. кризисы», стр. 407–438), который сделал очень неудачные отступления от Маркса в построении своих схем и недостаточно разъяснил теорию Маркса; – удовлетворительнее также, чем изложение г. А. Скворцова («Основания политической экономии». СПб. 1898, стр. 281–295), который держится неправильных взглядов по весьма важным вопросам о прибыли и о ренте.

<sup>[118]</sup> К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 349–524.

татъ всего быстрее, обгоняя и рост переменного капитала (+ сверхстоимость) в средствах производства, и рост постоянного капитала в предметах потребления. То подразделение общественного производства, которое изготовляет средства производства, должно, следовательно, расти быстрее, чем то, которое изготовляет предметы потребления. Таким образом, рост внутреннего рынка для капитализма до известной степени «независим» от роста личного потребления, совершаясь более на счет производительного потребления. Но было бы ошибочно понимать эту «независимость» в смысле полной оторванности производительного потребления от личного: первое может и должно расти быстрее второго (этим его «независимость» и ограничивается), но само собою разумеется, что в конечном счете производительное потребление всегда остается связанным с личным потреблением. Маркс говорит по этому поводу: «Мы видели (книга II, отд. III), что происходит постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом...» (Маркс имеет в виду постоянный капитал в средствах производства, реализующийся обменом между капиталистами этого же подразделения) «...которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое тем не менее ограничено в конечном счете личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не происходит ради него самого, а происходит лишь оттого, что этого постоянного капитала больше

потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление» («Das Kapital», III, 1, 289. Русск. пер., стр. 242)<sup>[27]</sup>.

# Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, erster Theil.

Buch III:

Der Gesamtproceß der kapitalistischen Produktion.

Kapitel I bis XXVIII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Das Recht der Uebersetzung ist vorbehalten.

Hamburg

Обложка немецкого издания (1894 г.) первой части третьего тома «Капитала» К. Маркса, которым пользовался В. И. Ленин.

Это большее употребление постоянного капитала есть не что иное, как выраженная в терминах меновой стоимости большая высота развития производительных сил, ибо главная часть быстро развивающихся «средств производства» состоит из материалов, машин, орудий, строений и всяких других приспособлений для крупного и специально машинного производства. Вполне естественно поэтому, что капиталистическое производство, развивая производительные силы общества, создавая крупное производство и машинную индустрию, отличается и особенным расширением того отдела общественного богатства, который состоит из средств производства... «В этом отношении (именно по изготовлению средств производства) капиталистическое общество отличается от дикаря вовсе не тем, в чем видит это отличие Сениор, полагающий, что дикарь имеет особенную привилегию расходовать свой труд иногда таким образом, что он не дает ему никаких продуктов, обращающихся в доход, т. е. в предметы потребления. Различие состоит на самом деле в следующем:

а) Капиталистическое общество употребляет большую часть находящегося в его распоряжении годового труда на производство средств производства (следовательно, посто-



янного капитала), которые не могут быть разложены на доход ни в форме заработной платы, ни в форме сверхстоимости и могут только функционировать в качестве капитала.

б) Если дикарь изготавливает лук, стрелы, каменные молотки, топоры, корзины и т. п., – то он совершенно отчетливо сознает, что израсходованное на это время он употребил не на производство предметов потребления, т. е., что он удовлетворил свою нужду в средствах производства и ничего более» («Das Kapital», II, 436. Русск. пер., 333)<sup>[28]</sup>. Это «отчетливое сознание» своего отношения к производству утратилось в капиталистическом обществе вследствие присущего ему фетишизма, представляющего общественные отношения людей в виде отношений продуктов – вследствие превращения каждого продукта в товар, производимый на неизвестного потребителя, подлежащий реализации на неизвестном рынке. И так как для отдельного предпринимателя совершенно безразличен *род* производимого им предмета – всякий продукт дает «доход», – то эта же поверхностная, индивидуальная точка зрения была усвоена теоретиками-экономистами по отношению ко всему обществу и помешала понять процесс воспроизводства всего общественного продукта в капиталистическом хозяйстве.

Развитие производства (а, следовательно, и внутреннего рынка) преимущественно на счет средств производства кажется парадоксальным и представляет из себя, несомненно, противоречие. Это – настоящее «производство для произ-

водства», – расширение производства без соответствующего расширения потребления. Но это – противоречие не доктрины, а действительной жизни; это – именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства. Именно это расширение производства без соответствующего расширения потребления и соответствует исторической миссии капитализма и его специфической общественной структуре: первая состоит в развитии производительных сил общества; вторая исключает утилизацию этих технических завоеваний массой населения. Между безграничным стремлением к расширению производства, присущим капитализму, и ограниченным потреблением народных масс (ограниченным вследствие их пролетарского состояния) есть несомненное противоречие. Именно это противоречие и констатирует Маркс в тех положениях, которые охотно приводятся народниками в подтверждение якобы их взглядов о сокращении внутреннего рынка, о непрогрессивности капитализма и пр. и пр. Вот некоторые из этих положений: «Противоречие в капиталистическом способе производства: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничить их минимумом цены как продавцов их товара – рабочей силы» («Das Kapital», II, 303)<sup>[29]</sup>.

«...Условия реализации... ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потреби-

тельной силой общества... Чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (ibid., III, I, 225–226)<sup>[30]</sup>. «Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден применять для достижения своей цели и которые стремятся к безграничному расширению производства, к безусловному развитию общественных производительных сил, которые ставят себе производство как самодовлеющую цель... Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы, для создания соответствующего этой силе всемирного рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства» (III, 1, 232. Русск. пер., с. 194)<sup>[31]</sup>. «Последней причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества»<sup>25[119]</sup> (III, 2, 21. Русск. пер.,

---

<sup>25</sup> Именно это место цитировал знаменитый (геростратовски знаменитый)

395)<sup>[32]</sup>. Во всех этих положениях констатируется указанное противоречие между безграничным стремлением расширять производство и ограниченным потреблением, и ничего более<sup>26</sup>. Нет ничего бессмысленнее, как выводить из этих мест

---

Эд. Бернштейн в своих «Предпосылках социализма» («Die Voraussetzung etc.», Stuttg. 1899, S. 67)<sup>[119]</sup>. Разумеется, наш оппортунист, поворачивающий от марксизма к старой буржуазной экономии, поспешил заявить, что это – противоречие в теории кризисов Маркса, что такой-то взгляд Маркса «не очень-то отличается от родбертусовской теории кризисов». На самом же деле «противоречие» имеется лишь между претензиями Бернштейна, с одной стороны, и его бессмысленным эклектизмом и нежеланием вдуматься в теорию Маркса, с другой. До какой степени не понял Бернштейн теории реализации, это видно из его поистине курьезного рассуждения, будто громадный рост массы прибавочного продукта *необходимо* должен означать увеличение числа имущих (или повышение благосостояния рабочих), ибо сами капиталисты, извольте видеть, и их «слуги» (sic! Seite 51–52) не могут «потребить» всего прибавочного продукта!! (Примеч. ко 2 изд.)

<sup>[119]</sup> Книжка Эд. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», ревизовавшая революционный марксизм в духе буржуазного реформизма, появилась в 1899 году и была получена Лениным в ссылке уже после выхода первого издания книги «Развитие капитализма в России», поэтому критические замечания Ленина по поводу оппортунистических положений Бернштейна могли быть включены лишь во второе издание книги. Ленин называет Бернштейна «геростратовски знаменитым». *Герострат* – житель древнего города Эфеса в Малой Азии; по преданию, сжег в 356 году до нашей эры храм Артемиды Эфесской, считавшийся одним из «семи чудес света», только для того, чтобы обесмертить свое имя. Именем Герострата называют честолюбцев, добивающихся славы любой, даже преступной, ценой.

<sup>26</sup> Ошибочно мнение г-на Туган-Барановского, который полагает, что Маркс, выставляя эти положения, впадает в противоречие с своим собственным анализом реализации («Мир Божий», 1898, № 6, с 123, в статье: «Капитализм и рынок»). Никакого противоречия у Маркса нет, ибо и в анализе реализации указана связь производительного и личного потребления.

«Капитала», будто Маркс не допускал возможности реализовать сверхстоимость в капиталистическом обществе, будто он объяснял кризисы недостаточным потреблением и т. п. Анализ реализации у Маркса показал, что «в конечном счете обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом ограничено личным потреблением»<sup>[33]</sup>, но этот же анализ показал истинный характер этой «ограниченности», показал, что предметы потребления играют меньшую роль в образовании внутреннего рынка сравнительно с средствами производства. А затем, нет ничего более нелепого, как выводить из противоречий капитализма его невозможность, непрогрессивность и т. д. – это значит спастись в заоблачные выси романтических мечтаний от неприятной, но несомненной действительности. Противоречие между стремлением к безграничному расширению производства и ограниченным потреблением – не единственное противоречие капитализма, который вообще не может существовать и развиваться без противоречий. Противоречия капитализма свидетельствуют о его исторически преходящем характере, выясняют условия и причины его разложения и превращения в высшую форму, – но они отнюдь не исключают ни возможности капитализма, ни его прогрессивности сравнительно с предшествующими системами общественного хозяйства<sup>27</sup>.

---

<sup>27</sup> Ср. «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и ваши отечественные сисмондисты». (См. Сочинения, 5 изд., том 2. *Ред.*)

## VI. Теории о национальном доходе

Изложивши основные положения теории Маркса о реализации, мы должны еще указать вкратце на громадное значение ее в теории «потребления», «распределения» и «дохода» нации. Все эти вопросы, особенно последний, были до сих пор настоящим камнем преткновения для экономистов. Чем больше об этом говорили и писали, тем больше становилась путаница, проистекающая из основной ошибки А. Смита. Укажем здесь некоторые примеры этой путаницы.

Интересно отметить, например, что Прудон повторил, в сущности, ту же ошибку, придав только старой теории несколько иную формулировку. Он говорил:

«А (под которым разумеются все собственники, предприниматели и капиталисты) начинает предприятие с 10 000 франков, вперед расплачивается ими с рабочими, которые за это должны произвести продукты; после того как А обратил таким образом свои деньги в товары, он должен по окончании производства, например, по истечении года, снова обратить товары в деньги. Кому продает он свой товар? Конечно, рабочим, так как в обществе только два класса: с одно» стороны – предприниматели, с другой – рабочие. Эти рабочие, получившие за продукты своего труда 10 000 фр. в качестве платы, которая удовлетворяет их необходимым жизненным потребностям, должны теперь, однако, за-

платить более 10000 фр., а именно еще за прибавку, получаемую А в форме процентов и других прибылей, на которые он рассчитывал в начало года: эти 10 000 фр. рабочий может покрыть только займом, а вследствие этого он впадает все в большие долги и нищету. Обязательно должно произойти одно из двух: или рабочий может потребить 9 в то время, как он произвел 10, или же он уплачивает предпринимателю только свою заработную плату, но тогда сам предприниматель впадает в банкротство и бедственное положение, так как не получает процентов на капитал, которые он все-таки с своей стороны принужден уплачивать» (Dichl. «Proudhon». II, 200<sup>28</sup>, цитировано по сборнику «Промышленность». Статьи из «Handwörterbuch der Staatswissenschaften»<sup>29</sup>. М. 1896, стр. 101).

Как видит читатель, это все то же затруднение – как реализовать сверхстоимость, – с которым возятся и гг. В. В. и Н. — он. Прудон выразил его только в несколько особой форме. И эта особенность его формулировки еще более сближает с ним наших народников: и они точно так же, как Прудон, усматривают «затруднение» в реализации именно сверхстоимости (процента или прибыли, по терминологии Прудона), не понимая того, что путаница, заимствованная ими у старых экономистов, мешает объяснить реализацию не одной сверхстоимости, а также и *постоянного капитала*, т. е. что

---

<sup>28</sup> Диль. «Прудон», т. II, стр. 200. Ред.

<sup>29</sup> «Словарь государственных наук». Ред.

«затруднение» их сводится к непониманию всего процесса реализации продукта в капиталистическом обществе.

Об этой «теории» Прудона Маркс замечает саркастически:

«Прудон выражает свою неспособность попятить это» (именно, реализацию продукта в капиталистическом обществе) «следующей нелепой формулой: *l'ouvrier ne peut pas racheter son propre produit* (рабочий не может вновь купить свой собственный продукт), потому что в него входит процент, присоединяющийся к издержкам производства (*prix-de-revient*)» («Das Kapital», III, 2, 379. Русск. пер., 698, с ошибками)<sup>[34]</sup>.

И Маркс приводит замечание, направленное против Прудона одним вульгарным экономистом, неким Форкадом (Forcade), который «совершенно правильно обобщает то затруднение, которое Прудон выставил в такой узкой форме», именно Форкад говорил, что цена товаров содержит не только избыток над заработной платой, прибыль, но и часть, возмещающую постоянный капитал. Значит, – заключал Форкад против Прудона, – и капиталист не может на свою прибыль вновь купить товары (сам Форкад не только не решил этой проблемы, но и не понял ее).

Точно так же ничего не дал по этому вопросу и Родбертус. Выставляя с особенным ударением то положение что «поземельная рента, прибыль на капитал и заработная пла-



та суть доход»<sup>30</sup>, Родбертус, однако, совершенно не выяснил себе понятия «дохода». Излагая, каковы были бы задачи политической экономии, если бы она следовала «правильному методу» (1. с., S. 26), он говорит и о распределении национального продукта: «Она» (т. е. истинная «наука о *народном* хозяйстве» – курсив Родбертуса) «должна бы была показать, каким образом из всего национального продукта одна часть предназначается всегда на *возмещение* употребленного на производство или сношенного капитала, а другая в качестве *национального дохода* – на удовлетворение непосредственных потребностей общества и его членов» (ibid., S. 27). Но хотя настоящая наука и должна бы была показать это, – однако «наука» Родбертуса ничего этого не показала. Читатель видит, что Родбертус повторил только слово в слово Ад. Смита, даже и не замечая, по-видимому, что ведь вопрос-то только тут и начинается. Какие же рабочие «возмещают» национальный капитал? как реализуется их продукт? – об этом он не сказал ни слова. Резюмируя свою теорию (diese neue Theorie, die ich der bisherigen gegenüberstelle, S. 32<sup>31</sup>) в виде отдельных тезисов, Родбертус говорит сначала о распределении национального продукта таким образом: «Рента» (известно, что под этим термином Родбертус разу-

---

<sup>30</sup> Dr. Rodbertus-Jagetzow. «Zur Beleuchtung der sozialen Frage». Berlin, 1875, S. 72 u. ff. (Д-р Родбертус-Ягецов. «К рассмотрению социального вопроса... Берлин. 1875, стр. 72 и следующие. *Ред.*)

<sup>31</sup> Эту новую теорию, которую я противопоставляю имевшимся до сих пор, с. 32. *Ред.*

мел то, что принято называть сверхстоимостью) «и заработная плата суть, следовательно, доли, на которые распадается продукт, поскольку он является доходом» (S. 33). Эта весьма важная оговорка должна бы была натолкнуть его на самый существенный вопрос: он сейчас только сказал, что под доходом понимаются предметы, служащие для «удовлетворения непосредственных потребностей». Значит, есть продукты, не служащие для личного потребления. Как же они реализуются? – Но Родбертус не замечает тут неясности и вскоре забывает об этой оговорке, говоря прямо о «*делении продукта на три доли*» (заработная плата, прибыль и рента) (S. 49–50 и др.). Таким образом, Родбертус, в сущности, повторил учение Ад. Смита вместе с его основной ошибкой и ровно ничего не объяснил в вопросе о доходе. Обещание новой полной и лучшей теории *распределения национального продукта*<sup>32</sup> – оказалось пустым словом. На самом деле Родбертус ни на шаг не подвинул вперед теории по этому вопросу; до какой степени сбивчивы были его понятия о «доходе» – показывают длиннейшие рассуждения его в 4-м социальном письме к фон-Кирхману («Das Kapital», Berlin, 1884) о том, следует ли относить *деньги* к национальному доходу,

---

<sup>32</sup> Ibid., S. 32: «...bin ich genotigt, der vorstehenden Skizze einer besseren Methode auch noch eine volkthümliche, soleher besseren Methode entsprechende Theorie, wenigstens der Verteilung des Nationalprodukts, hinzuzufügen» (Там же, стр. 32: «...я вынужден присоединить к настоящему очерку лучшего метода также в полную, этому лучшему методу соответствующую, теорию по крайней мере *распределения национального продукта*» Ред.)

берется ли заработная плата из капитала или из дохода, – рассуждения, о которых Энгельс выразился, что они «относятся к области схоластики» (Vorwort<sup>33</sup> ко II тому «Капитала», S. XXI<sup>[35]</sup>)<sup>34</sup>.

Полная спутанность представлений о национальном доходе господствует вполне у экономистов и до сих пор. Так, например, Геркнер в своей статье о «Кризисах» в «Handwörterbuch der Slaatswissenschaften» (названный сборник, с. 81), говоря о реализации продукта в капиталистическом обществе (в § 5 – «распределение»), находит «удачным» рассуждение К. Г. Рау, который, однако, только повторяет ошибку А. Смита, деля весь продукт общества на доходы. Р. Мейер в своей статье о «доходе» (там же, с. 283 и ел.) приводит сбивчивые определения А. Вагнера (тоже повторяющего ошибку А. Смита) и откровенно сознается, что «трудно отличать доход от капитала», а «самое трудное есть различие между выручкой (Ertrag) и доходом (Einkommen)». Мы видим, таким образом, что экономисты, много толковавшие и толкующие о недостаточном внимании классиков (и Маркса) к «распределению» и «потреблению» не смогли разъяснить ни на йоту самых основных вопросов «распределения» и «потребления». Это и понятно, так как нельзя и толковать

---

<sup>33</sup> Предисловие. *Ред.*

<sup>34</sup> Поэтому совершенно неправ К. Diehl, когда он говорит, что Родбертус дал «новую теорию распределения дохода». [«Handwörterbuehder Staatawlssenschaften», Art. «Rodbertus», B. V, S. 448 («Словарь государственных наук». Статья «Родбертус». Том V, стр. 448. *Ред.*).]

о «потреблении», не поняв процесса воспроизводства всего общественного капитала и возмещения отдельных составных частей общественного продукта. На этом примере подтвердилось еще раз, как нелепо выделять «распределение» и «потребление», как какие-то самостоятельные отделы науки, соответствующие каким-то самостоятельным процессам и явлениям хозяйственной жизни. Политическая экономия занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства. Раз эти общественные отношения выяснены и проанализированы до конца, — *тем самым* определено и место в производстве каждого класса, а, следовательно, и получаемая ими доля национального потребления. И разрешение той проблемы, пред которой остановилась классическая политическая экономия и которую ни на волос не двинули всяческие специалисты по вопросам «распределения» и «потребления», — дано теорией, непосредственно примыкающей именно к классикам и доводящей до конца анализ производства капитала, индивидуального и общественного.

Вопрос о «национальном доходе» и о «национальном потреблении», абсолютно неразрешимый при самостоятельной постановке этого вопроса и плодивший только схоластические рассуждения, дефиниции и классификации, — оказывается вполне разрешенным, когда проанализирован процесс производства всего общественного капитала. Мало того: этот вопрос перестает существовать отдельно, когда вы-

яснено отношение национального потребления к национальному продукту и реализация каждой отдельной части этого продукта. Остается только *дать название* этим отдельным частям.

«Чтобы не запутывать дела, создавая бесполезные затруднения, необходимо отличать валовую выручку (Rohertrag) и чистую выручку от валового дохода и чистого дохода.

Валовая выручка или валовой продукт есть весь воспроизведенный продукт...

Валовой доход есть та часть стоимости (и измеряемая ею часть валового продукта – Brufctoprodukts oder Rohprodukts), которая остается за вычетом части стоимости во всем производстве (и измеряемой ею част» продукта), возмещающей вложенный на производство и потребленный в нем постоянный капитал. Валовой доход равен, следовательно, заработной плате (или той части продукта, которая предназначена обратиться снова в доход рабочего) + прибыль + рента. Чистый же доход есть сверхстоимость, следовательно – прибавочный продукт, остающийся за вычетом заработной платы и представляющий собой реализованную капиталом и подлежащую разделу с землевладельцем прибавочную стоимость (и измеряемый ею прибавочный продукт).

...Если же рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, т. е. из валового дохода. Впрочем, и это является одной абстракцией, так как все общество, при капитали-

стическом производстве, становится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом только доход, распа- дающийся на прибыль и ренту» (III, 2, 375–376. Русск. пер., с. 695–696)<sup>[36]</sup>.

Таким образом, разъяснение процесса реализации внесло ясность и в вопрос о доходе, разрешив основное затрудне- ние, препятствовавшее разобраться в этом вопросе, именно: каким образом «доход для одного становится капиталом для другого»<sup>[37]</sup>? каким образом продукт, состоящий из предме- тов личного потребления и распадающийся вполне на зара- ботную плату, прибыль и ренту, может заключать еще в себе постоянную часть капитала, которая никогда не может быть доходом? Анализ реализации в III отделе второго тома «Ка- пitalа» вполне разрешил эти вопросы, и Марксу в заключи- тельном отделе III тома «Капitalа», посвященном вопросу о «доходах», пришлось лишь дать названия отдельным частям общественного продукта и сослаться на этот анализ второго тома<sup>35{120}</sup>.

---

<sup>35</sup> См. «Das Kapital», III, 2, VII. Abschnitt: «Die Revenuen», гл. 49: «Zur Analyse des Produktionsprozesses» («Капитал», т. III, ч. 2. Отдел VII: «Доходы», гл. 49: «К анализу процесса производства». *Ред.*) (русск. пер., с. 688–706). Здесь Маркс указывает также и обстоятельства, помешавшие прежним экономистам понять этот процесс (стр. 379–382. Русск. пер., с. 698–700)<sup>{120}</sup>.

<sup>{120}</sup> К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 857–860.

## VIII. Почему необходим для капиталистической нации внешний рынок?

По поводу изложенной теории реализации продукта в капиталистическом обществе может возникнуть вопрос: не противоречит ли она тому положению, что капиталистическая нация не может обойтись без внешних рынков?

Необходимо помнить, что приведенный анализ реализации продукта в капиталистическом обществе исходил из предположения об отсутствии внешней торговли: выше было уже отмечено это предположение и показана его *необходимость* при таком анализе. Очевидно, что ввоз и вывоз продуктов только запутал бы дело, нисколько не помогая разъяснению вопроса. Ошибка гг. В. В. и Н. — она в том и состоит, что они привлекают внешний рынок *для объяснения* реализации сверхстоимости: ровно ничего не объясняя, это указание на внешний рынок только прикрывает теоретические ошибки их; это — с одной стороны. С другой стороны, оно позволяет им отделаться, посредством этих ошибочных «теорий», от необходимости *объяснить* факт развития внутреннего рынка для русского капитализма<sup>36</sup>. «Внешний

---

<sup>36</sup> Г-н Булгаков очень верно замечает в вышецитированной книге: «До сих пор рост хлопчатобумажного производства, рассчитанного на крестьянский рынок,

рынок» для них является просто отговоркой, затушевывающей развитие капитализма (а, следовательно, и рынка) внутри страны, — отговоркой тем более удобной, что она избавляет их также и от необходимости рассмотреть факты, свидетельствующие о завоевании русским капитализмом внешних рынков<sup>37</sup>.

Необходимость внешнего рынка для капиталистической страны определяется вовсе не законами реализации общественного продукта (и сверхстоимости в частности), а, во-1-х, тем, что капитализм является лишь как результат широко развитого товарного *обращения*, которое выходит за пределы государства. Поэтому нельзя себе представить капиталистической нации без внешней торговли, да и нет такой нации.

Как видит читатель, эта причина — свойства исторического. И от нее народники не могли бы отделаться нарой обветшалых фраз о «невозможности для капиталистов потребить сверхстоимость». Тут пришлось бы рассмотреть — если бы они действительно хотели поставить вопрос о внешнем рынке — историю развития внешней торговли, историю развития товарного обращения. А рассмотрев эту историю, нельзя было бы, конечно, изображать капитализм случайным уклонением с пути.

---

совершается непрерывно, следовательно, это абсолютное сокращение народного потребления...» (о котором толкует г. Н. — он) «...мыслимо только теоретически». (Стр. 214–215).

<sup>37</sup> Волгин. «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова». СПб. 1896. Стр. 71–76.



Во-2-х, то соответствие между отдельными частями общественного производства (по стоимости и по натуральной форме), которое необходимо предполагалось теорией воспроизводства общественного капитала и которое на деле устанавливается лишь как средняя величина из ряда постоянных колебаний, – это соответствие постоянно нарушается в капиталистическом обществе вследствие обособленности отдельных производителей, работающих на неизвестный рынок. Различные отрасли промышленности, служащие «рынком» друг для друга, развиваются не равномерно, а обгоняют друг друга, и более развитая промышленность ищет внешнего рынка. Это нисколько не означает «невозможность для капиталистической нации реализовать сверхстоимость», как готов глубокомысленно заключить народник. Это указывает лишь на непропорциональность в развитии отдельных производств. При *другом* распределении национального капитала то же самое количество продуктов могло бы быть реализовано внутри страны. Но для того, чтобы капитал оставил одну область промышленности и перешел в другую, необходим кризис в этой области, и какие же причины могут удерживать капиталистов, которым грозит такой кризис, от поисков внешнего рынка? от поисков пособий и премии для облегчения вывоза и т. д.?

В-3-х. Законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем техническом основании: таково бар-

щинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников. Напротив, законом капиталистического производства является постоянное преобразование способов производства и безграничный рост размеров производства. При старых способах производства хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей). Напротив, капиталистическое предприятие неизбежно перерастает границы общины, местного рынка, области, а затем и государства. И так как обособленность и замкнутость государств разрушены уже товарным обращением, то естественное стремление каждой капиталистической отрасли промышленности ведет ее к необходимости «искать внешнего рынка».

Таким образом, необходимость искать внешнего рынка отнюдь не доказывает несостоятельности капитализма, как любят изображать дело народники-экономисты. Совсем напротив. Эта необходимость наглядно показывает прогрессивную историческую работу капитализма, который разрушает старинную обособленность и замкнутость систем хозяйства (а, следовательно, и узость Духовной и политической жизни), который связывает все страны мира в единое хозяйственное целое.

Мы видим отсюда, что две последние причины необходимости внешнего рынка – опять-таки причины характера исторического. Чтобы разобрать их, надо рассмотреть каждую отдельную отрасль промышленности, ее развитие внутри страны, ее превращение в капиталистическую, – одним словом, надо взять *факты* о развитии капитализма в стране, – и нет ничего удивительного, что народники пользуются случаем уклониться от этих фактов под сень ничего не стоящих (и ничего не говорящих) фраз о «невозможности» и внутреннего и внешнего рынка.

## IX. Выводы из I главы

Резюмируем теперь вышеразобранные теоретические положения, имеющие непосредственное отношение к вопросу о внутреннем рынке.

1) Основным процессом создания внутреннего рынка (т. е. развития товарного производства и капитализма) является общественное разделение труда. Оно состоит в том, что от земледелия отделяются один за другим различные виды обработки сырья (и различные операции по этой обработке) и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты (теперь уже *товары*) на продукты земледелия. Земледелие таким образом само становится промышленностью (т. е. производством товаров), и в нем происходит тот же процесс специализации.

2) Непосредственным выводом из предыдущего положения является тот закон всякого развивающегося товарного и тем более капиталистического хозяйства, что индустриальное (т. е. неземледельческое) население возрастает быстрее земледельческого, отвлекает все больше и больше населения от земледелия к промышленности обрабатывающей.

3) Отделение непосредственного производителя от средств производства, т. е. экспроприация его, знаменуя переход от простого товарного производства к капиталистическому (и составляя необходимое условие этого перехода), со-

здает внутренний рынок. Процесс этого *создания* внутреннего рынка идет с двух сторон: с одной стороны, *средства производства*, от которых «освобождается» мелкий производитель, превращаются в капитал в руках их нового владельца, служат для производства товаров, и, следовательно, сами превращаются в товар. Таким образом даже простое воспроизведение этих средств производства требует теперь уже покупки их (раньше эти средства производства воспроизводились большей частью в натуральном виде и отчасти изготовлялись дома), т. е. предъявляет рынок на средства производства, а затем и продукт, произведенный теперь при помощи этих средств производства, тоже превращается в товар. С другой стороны, *средства существования* для этого мелкого производителя становятся вещественными элементами переменного капитала, т. е. денежной суммы, расходуемой предпринимателем (все равно, землевладельцем ли, подрядчиком, лесопромышленником, фабрикантом и т. д.) на наем рабочих. Таким образом, эти средства существования превращаются теперь также в товар, т. е. создают внутренний рынок на предметы потребления.

4) Реализация продукта в капиталистическом обществе (а, следовательно, и реализация сверхстоимости) не может быть объяснена без уяснения того – 1) что общественный продукт, как и единичный, распадается по стоимости на три части, а не на две (на постоянный капитал + переменный капитал + сверхстоимость, а не только на переменный капи-

тал + сверхстоимость, как учили Адам Смит и вся последующая политическая экономия до Маркса) и 2) что по своей натуральной форме он должен быть разделен на два крупные подразделения: средства производства (потребляются производительно) и предметы потребления (потребляются лично). Установив эти основные теоретические положения, Маркс вполне объяснил процесс реализации продукта вообще и сверхстоимости в частности в капиталистическом производстве и обнаружил полную неправильность привлечения внешнего рынка к вопросу о реализации.

5) Теория реализации Маркса пролила свет и на вопрос о национальном потреблении и доходе.

Из вышеизложенного явствует само собою, что вопрос о внутреннем рынке, как отдельный самостоятельный вопрос, не зависящий от вопроса о степени развития капитализма, вовсе не существует. Поэтому-то теория Маркса и не ставит нигде и никогда этого вопроса отдельно. Внутренний рынок появляется, когда появляется товарное хозяйство; он создается развитием этого товарного хозяйства, и степень дробности общественного разделения труда определяет высоту его развития; он распространяется с перенесением товарного хозяйства от продуктов на рабочую силу, и только по мере превращения этой последней в товар капитализм охватывает все производство страны, развиваясь главным образом на счет средств производства, которые занимают в капиталистическом обществе все более и более важное место. «Внут-

ренный рынок» для капитализма создается самим развивающимся капитализмом, который углубляет общественное разделение труда и разлагает непосредственных производителей на капиталистов и рабочих. Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране. Ставить вопрос о пределах внутреннего рынка отдельно от вопроса о степени развития капитализма (как делают экономисты-народники) неправильно.

Поэтому и вопрос о том, как складывается внутренний рынок для русского капитализма, сводится к следующему вопросу: каким образом и в каком направлении развиваются различные стороны русского народного хозяйства? в чем состоит связь и взаимозависимость между этими различными сторонами?

Последующие главы и будут посвящены рассмотрению данных, содержащих ответ на эти вопросы.

## Глава II. Разложение крестьянства

Мы видели, что основой образования внутреннего рынка в капиталистическом производстве является процесс распада мелких земледельцев на сельскохозяйственных предпринимателей и рабочих. Едва ли не каждое сочинение об экономическом положении русского крестьянства в пореформенную эпоху указывает на так называемую «дифференциацию» крестьянства. Следовательно, наша задача состоит в том, чтобы изучить основные черты этого явления и определить его значение. В последующем изложении мы пользуемся данными земско-статистических подворных переписей<sup>[38]</sup>.



# I. Земско-статистические данные о Новороссии

Г-н В. Постников в своем сочинении: «Южнорусское крестьянское хозяйство» (М. 1891)<sup>[39]</sup> собрал и обработал данные земской статистики по Таврической, отчасти также Херсонской и Екатеринославской губерниям. В литературе о крестьянском разложении это сочинение должно быть поставлено на первое место, и мы считаем необходимым свести по принятой нами системе собранные г. Постниковым данные, дополняя их иногда данными земских сборников. Таврические земские статистики приняли группировку крестьянских дворов по величине посева – прием очень удачный, позволяющий точно судить о *хозяйстве* каждой группы вследствие преобладания в этой местности зерновой системы хозяйства при экстенсивном земледелии. Вот общие данные о хозяйственных группах таврического крестьянства<sup>38</sup>.

---

<sup>38</sup> Нижеследующие данные относятся большею частью к трем северным материковым уездам Таврической губ.: Берлинскому, Мелитопольскому и Днепровскому, или же к одному последнему.

Группы крестьян	По Днепровскому уезду			По трем уездам				% всего числа дворов	
	% всего числа дворов	На 1 двор душ об. пола	работников муж. пола	% всего числа дворов	Средний размер посева на 1 двор, десятин	Вся площадь посева десятин	То же в % к итогу		
I. Не сеющие	9	4,6	1,0	7,5	—	—	—	12,1	40,2
II. Сеющие до 5 ес.	11	4,9	1,1	11,7	3,5	34 070	2,4		
III. » 5—10 »	20	5,4	1,2	21	8,0	140 426	9,7	50,3	20,6
IV. » 10—25 »	41,8	6,3	1,4	39,2	16,4	540 093	37,6		
V. » 25—50 »	15,1	8,2	1,9	16,9	34,5	494 095	34,3	100	
VI. » более 50 »	3,1	10,1	2,3	3,7	75,0	230 583	16,0		
Итого	100	6,2	1,4	100	17,1	1 439 267	100		

Неравномерность в распределении посева очень значительна:  $\frac{2}{5}$  всего числа дворов (имеющие около  $\frac{3}{10}$  населения, ибо состав семьи здесь ниже среднего) имеют в своих руках около  $\frac{1}{8}$  всего посева, принадлежа к малосеющей, бедной группе, которая не может покрыть своих потребностей доходом от своего земледелия. Далее, среднее крестьянство обнимает тоже около  $\frac{2}{5}$  всего числа дворов, которые покрывают свои средние расходы доходом от земли (г. Постников считает, что на покрытие средних расходов семьи требуется 16—18 десятин посева). Наконец, зажиточное крестьянство (около  $\frac{1}{5}$  дворов и  $\frac{3}{10}$  населения) сосредоточивает в своих руках более половины всего посева, причем размер посева на 1 двор ясно показывает «коммерческий», тор-

говый характер земледелия этой группы. Чтобы точно определить размеры этого торгового земледелия в разных группах, г. Постников употребляет следующий прием. Из всей посевной площади хозяйства он выделяет площади: пищевую (дающую продукт на содержание семьи и батраков), кормовую (на корм скоту), хозяйственную (на посевное зерно, площадь под усадьбами и пр.) и определяет таким образом размер *рыночной или торговой* площади, продукт которой идет в продажу. Оказывается, что у группы с 5–10 дес. посева всего лишь 11,8 % посевной площади дает рыночный продукт, тогда как по мере увеличения посева (по группам) этот процент повышается следующим образом: 36,5 %—52 %—61 %. Следовательно, зажиточное крестьянство (2 высшие группы) ведет уже торговое земледелие, получая в год 574–1500 руб. валового денежного дохода. Это торговое земледелие превращается уже в капиталистическое, так как размеры посева у зажиточных крестьян превышают рабочую норму семьи (т. е. то количество земли, которое может обработать семья своим трудом), заставляя их *прибегать к найму рабочих*: в трех северных уездах Таврической губ. зажиточное крестьянство нанимает, по расчету автора, свыше 14 тысяч сельских рабочих. Наоборот, бедное крестьянство «отпускает рабочих» (свыше 5 тысяч), т. е. прибегает к продаже своей рабочей силы, так как доход от земледелия дает, например, в группе с 5–10 дес. посева только около 30 руб. деньгами

на двор<sup>39</sup>. Мы наблюдаем, следовательно, здесь именно тот процесс создания внутреннего рынка, о котором и говорит теория капиталистического производства: «внутренний рынок» растет вследствие превращения в товар, с одной стороны, продукта торгового, предпринимательского земледелия, с другой стороны – вследствие превращения в товар рабочей силы, продаваемой несостоятельным крестьянством.

Чтобы ознакомиться ближе с этим явлением, посмотрим на положение каждой отдельной группы крестьянства. Начнем с высшей. Вот данные о ее землевладении и землепользовании:

*Днепро́вский уезд Та́врической губ.*

Группы дворов	Десятин пашни на 1 двор			
	Надельной <sup>45</sup>	Купчей	Арендованной	Всего
I. Не сеюшие	6,4	0,9	0,1	7,4
II. Сеющие до 5 дес.	5,5	0,04	0,6	6,1
III. » 5—10 »	8,7	0,05	1,6	10,3
IV. » 10—25 »	12,5	0,6	5,8	18,9
V. » 25—50 »	16,6	2,3	17,4	36,3
VI. » свыше 50 »	17,4	30,0	44,0	91,4
<i>В среднем</i>	11,2	1,7	7,0	19,9

<sup>39</sup> Г-н Постников справедливо замечает, что в действительности различил между группами по величине денежного дохода от земли гораздо значительнее, ибо в расчетах принята 1) одинаковая урожайность и 2) одинаковая цена сбываемого хлеба. На деле же зажиточные крестьяне имеют лучшие урожаи и выгоднее продают хлеб.

Мы видим, следовательно, что зажиточное крестьянство, несмотря на наивысшую обеспеченность его надельной землей, концентрирует в своих руках массу купчих и арендуемых земель, превращается в мелких землевладельцев и фермеров<sup>40</sup>. На аренду 17–44 дес. расходуется в год, по местным ценам, около 70–160 руб. Очевидно, что мы имеем здесь дело уже с коммерческой операцией: земля становится товаром, «машиной для добывания денег».

Возьмем далее данные о живом и мертвом инвентаре;

Группы дворов	По трем уездам Таврич. губ.			В Днепров. у.		
	Приходится голов скота на 1 двор			% дворов без раб. скота	Приходится на 1 двор инвентаря**	
	Рабочего	Прочего	Всего		Перевозочного	Пахотного
I. Не сеющие	0,3	0,8	1,1	80,5	—	—
II. Сеющие до 5 дес.	1,0	1,4	2,4	48,3	—	—
III. » 5—10 »	1,9	2,3	4,2	12,5	0,8	0,5
IV. » 10—25 »	3,2	4,1	7,3	1,4	1,0	1,0
V. » 25—50 »	5,8	8,1	13,9	0,1	1,7	1,5
VI. » свыше 50 »	10,5	19,5	30,0	0,03	2,7	2,4
<i>В среднем</i>	3,1	4,5	7,6	15,0		

\*\*Перевозочный инвентарь — брички, телеги, фургоны и т. п. Пахотный — плуги, букеры (скоропашки) и проч.

<sup>40</sup> Заметим, что сравнительно значительное количество купчей земли у несеющих объясняется тем, что в эту группу вошли лавочники, владельцы промышленных заведений и проч. Смешение подобных «крестьян» с земледельцами составляет обычный недостаток земско-статистических данных. Мы будем еще говорить об этом недостатке ниже.

Зажиточное крестьянство оказывается во много раз обеспеченнее инвентарем, чем бедное и даже чем среднее. Достаточно взглянуть на эту табличку, чтобы понять полную фиктивность тех «средних» цифр, с которыми так любят оперировать у нас, говоря о «крестьянстве». К торговому земледелию у крестьянской буржуазии присоединяется здесь и торговое скотоводство, именно: возвращение грубошерстных овец. Относительно мертвого инвентаря приведем еще данные об улучшенных орудиях, заимствуя их из земско-статистических сборников<sup>41[121]</sup>. Из всего числа жнеек и косилок (3061)—2841, т. е. 92,8 %, находятся в руках крестьянской буржуазии ( $\frac{1}{5}$  всего числа дворов).

Вполне естественно, что у зажиточного крестьянства и *техника земледелия* стоит значительно выше среднего (большой размер хозяйства, более обильный инвентарь, наличность свободных денежных средств и т. д.), именно: зажиточные крестьяне «производят свои посевы скорее, лучше пользуются благоприятной погодой, заделывают семена более влажной землей», вовремя производят уборку хлеба; одновременно вместе с возкою и молотят его и т. д. Естественно-

---

<sup>41</sup> «Сборник стат. свед. по Мелитопольскому уезду». Симферополь, 1885 г. (Т. I. «Сборник стат. Свед. по Таврической губ.»)<sup>[121]</sup>, — «Сборник стат. свед. по Днепровскому уезду». Т. II. Симф. 1888 г.

<sup>[121]</sup> Полное название этого источника — «Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Статистические таблицы о хозяйственном положении селений Мелитопольского уезда. Приложение к первому тому сборника». Симферополь, 1885.

но также, что величина расхода на производство земледельческих продуктов понижается (на единицу продукта) по мере увеличения размеров хозяйства. Г-н Постников доказывает это положение особенно подробно, пользуясь следующим расчетом: он определяет количество работников (вместе с наймитами), голов рабочего скота, орудий и пр. на 100 десятин посева в различных группах крестьянства. Оказывается, что это количество уменьшается по мере увеличения размеров хозяйства. Например, у сеющих до 5 десятин приходится на 100 десятин надела 28 работников, 28 голов рабочего скота, 4,7 плуга и буков, 10 бречек, а у сеющих свыше 50 десятин – 7 работников, 14 голов рабочего скота, 3,8 плуга и буков, 4,3 бречки. (Мы опускаем более детальные данные по всем группам, отсылая тех, кто интересуется подробностями, к книге г. Постникова.) Общий вывод автора гласит: «С увеличением размера хозяйства и запашки у крестьян расход по содержанию рабочих сил, людей и скота, этот главнейший расход в сельском хозяйстве, прогрессивно уменьшается, и у многосеющих групп делается почти в два раза менее на десятину посева, чем у групп с малой распашкой» (стр. 117 назв. соч.). Этому закону большей продуктивности, а, следовательно, и большей устойчивости крупных крестьянских хозяйств г. Постников совершенно справедливо придает важное значение, доказывая его весьма подробными данными не только для одной Новороссии, но и для

центральных губерний России<sup>42</sup>. Чем дальше идет проникновение товарного производства в земледелие, чем сильнее, следовательно, становится конкуренция между земледельцами, борьба за землю, борьба за хозяйственную самостоятельность, — тем с большей силой должен проявиться этот закон, ведущий к вытеснению среднего и бедного крестьянства крестьянской буржуазией. Необходимо только заметить, что прогресс техники в сельском хозяйстве выражается различно, смотря по системе сельского хозяйства, смотря по системе полеводства. Если при зерновой системе хозяйства и при экстенсивном земледелии этот прогресс может выразиться в простом расширении посева и сокращении числа рабочих, количества скота и пр. на единицу посева, то при скотовод-

---

<sup>42</sup> «Земская статистика с неоспоримой ясностью показывает, что чем Солее размер крестьянского хозяйства, тем менее на данную площадь пахотной земли содержится инвентаря, рабочих людей и рабочего скота» (стр. 162 назв. соч.). Интересно отметить, как отразился этот закон в рассуждениях г-на В. В. В цитированной выше статье («Вести. Евр.», 1884, № 7) он делает такое сопоставление: в центральной черноземной полосе на одну крестьянскую лошадь приходится 5–7–8 дес. пашни, тогда как «по правилам трехпольного севооборота» полагается 7–10 дес. («Календарь» Баталина). «Следовательно, на обезлошадение части населения этой области России нужно смотреть до известной степени как на восстановление нормального отношения между количеством рабочего скота и площадью, подлежащей обработке» (стр. 346 в указанной статье). Итак, разорение крестьянства ведет к прогрессу сельского хозяйства. Если бы г. В. В. обратил внимание не только на агрономическую, но и на общественно-хозяйственную сторону этого процесса, то он мог бы увидеть, что это есть прогресс капиталистического земледелия, так как «восстановление нормального отношения» рабочего скота и пашни достигается либо помещиками, заводящими свой инвентарь, либо крупными посевщиками из крестьян, т. е. крестьянской буржуазией.



ственной или технической системе хозяйства, при переходе к интенсивному земледелию, тот же прогресс может выразиться, например, в посеве корнеплодов, требующих большего количества рабочих на единицу посева, или в заведении молочного скота, в посеве кормовых трав и пр. и пр.

К характеристике высшей группы крестьянства надо добавить еще значительное употребление наемного труда. Вот данные по 3-м уездам Таврической губернии:

Группы дворов	Процент хозяйств с батраками	Доля посева (в %) у каждой группы
I. Не сеющие	3,8	—
II. Сеющие до 5 дес.	2,5	2
III. » 5—10 »	2,6	10
IV. » 10—25 »	8,7	38
V. » 25—50 »	34,7	34
VI. » свыше 50 »	64,1	16
<i>Итого</i>		100

} 50

Г-н В. В. в указанной статье рассуждал об этом вопросе следующим образом: он брал процентное отношение числа хозяйств с батраками ко всему числу крестьянских хозяйств и заключал: «Число крестьян, прибегающих для обработки земли к помощи наемного труда, сравнительно с общей массой народа, совершенно ничтожно: 2—3, maximum 5 хозяев

из 100, – вот и все представители крестьянского капитализма; это» (батрацкое крестьянское хозяйство в России) «не система, прочно коренящаяся в условиях современной хозяйственной жизни, а случайность, какая была и 100 и 200 лет тому назад» («Вести. Евр.», 1884, № 7, стр. 332). Какой смысл сопоставлять число хозяйств с батраками со всем числом «крестьянских» хозяйств, когда в это последнее число входят и хозяйства батраков? Ведь по подобному приему можно бы отделаться лишь и от капитализма в русской промышленности: стоило бы лишь взять процент промысловых семей, держащих наемных рабочих (т. е. семей фабрикантов и фабрикантиков) ко всему числу промысловых семей в России; получилось бы «совершенно ничтожное» отношение к «массе народа». Несравненно правильное сопоставлять число батрацких хозяйств с числом одних лишь действительно самостоятельных хозяйств, т. е. живущих одним земледелием и не прибегающих к продаже своей рабочей силы. Далее г. В. В. упустил из виду мелочь: именно – что батрацкие крестьянские хозяйства принадлежат к числу крупнейших: «ничтожный» в «общем и среднем» процент хозяйств с батраками оказывается очень внушительным (34–64 %) у того зажиточного крестьянства, которое держит в своих руках больше половины всего производства, которое производит крупные количества зерна на продажу. Можно судить поэтому о нелепости того мнения, будто ото батрацкое хозяйство – «случайность», бывшая и 100–200 лет тому назад! В-тре-

тых, только игнорируя действительные особенности земледелия, можно брать, для суждения о «крестьянском капитализме», одних батраков, т. е. постоянных рабочих, опуская поденщиков. Известно, что наем поденных рабочих играет особенно большое значение в сельском хозяйстве<sup>43</sup>.

Переходим к низшей группе. Ее составляют несеющие и малосеющие хозяева; они «не представляют большой разницы в своем хозяйственном положении... как те, так и другие либо служат батраками у своих односельчан, либо промышляют сторонними и большей частью земледельческими же заработками» (стр. 134 указ. соч.), т. е. входят в ряды сельского пролетариата. Заметим, что, например, в Днепровском уезде в низшей группе 40 % дворов, а не имеющих пахотных орудий 39 % всего числа дворов. Наряду с продажей своей рабочей силы сельский пролетариат извлекает доход от сдачи в аренду своей надельной земли:

---

<sup>43</sup> Англия – классическая страна земледельческого капитализма. И в этой стране 40,8 % фермеров не имеют наемных рабочих 68,1 % фермеров имеют не более 2-х рабочих, 82 % фермеров имеют не более 4-х рабочих (Янсок. «Сравнительная статистика», т. II, стр. 22–23. Цитировано по Каблукову «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве», стр. 16) Но хорош был бы экономист, который бы забыл о массе нанимающихся поденно сельских пролетариев, как бродячих, так и оседлых, т. е. находящих «заработки» в своих деревнях.

Группы дворов	Домохозяев, сдающих надельную землю	Сдаваемой надельной земли
I. Не сеюшие	80	97,1
II. Сеюшие до 5 дес.	30	38,4
III. » 5—10 »	23	17,2
IV. » 10—25 »	16	8,1
V. » 25—50 »	7	2,9
VI. » свыше 50 »	7	13,8
<i>По уезду</i>	25,7	14,9

Всего по 3-м уездам Таврической губ. сдавалось (в 1884—1886 гг.) 25 % всей крестьянской пашни, причем сюда не вошла еще земля, сдаваемая не крестьянам, а разночинцам. Всего сдаст землю в этих 3-х уездах около  $\frac{1}{3}$  населения, причем арендует наделы сельского пролетариата главным образом крестьянская буржуазия. Вот данные об этом.

<i>В трех уездах Таврической губернии</i>					снято десятин надельной земли у соседей	в %
хозяевами,	сеюшими	до 10 дес.	на	двор	16 594	6
»	»	10—25 »	»	»	89 526	35
»	»	25 и более	»	»	150 596	59
<i>Всего</i>					256 716	100

«Надельная земля служит в настоящее время предметом обширной спекуляции в южнорусском крестьянском быту. Под землю получают займы с выдачей векселей...земля

сдается или продается на год, два и более долгие сроки, 8, 9 и 11 лет» (стр. 139 цит. соч.). Таким образом, крестьянская буржуазия является также представительницей торгового и ростовщического капитала<sup>44</sup>. Мы видим здесь наглядное опровержение того народнического предрассудка, будто «кулак» и «ростовщик» не имеют ничего общего с «хозяйственным мужиком». Напротив, в руках крестьянской буржуазии сходятся нити и торгового капитала (отдача денег в ссуду под залог земли, скупка разных продуктов и пр.) и промышленного капитала (торговое земледелие при помощи найма рабочих и т. п.). От окружающих обстоятельств, от большего или меньшего вытеснения азиатчины и распространения культуры в нашей деревне зависит то, какая из этих форм капитала будет развиваться на счет другой.

Посмотрим, наконец, на положение средней группы (посев 10–25 дес. на двор, в среднем 16,4 дес.). Ее положение переходное: денежный доход от земледелия (191 руб.) несколько ниже той суммы, которую расходует в год средний тавричанин (200–250 руб.). Рабочего скота здесь по 3,2 штуки на двор, тогда как для полного «тягла» требуется 4 штуки. Поэтому хозяйство среднего крестьянина находится в положении неустойчивом, и для обработки своей земли ему при-

---

<sup>44</sup> Пользуясь сама «очень многочисленными» сельскими кассами и ссудо-сберегательными товариществами, которые приносят «существенную помощь» «крестьянам с достатком». «Крестьяне маломощные поручителей за себя не находят и ссудами не пользуются» (стр. 368 цит. соч.)

ходится прибегать к супряге<sup>45</sup>.

Обработка земли супрягой оказывается, разумеется, менее продуктивной (трата времени на переезды, недостача лошадей и проч.), так что, например, в одном селе г. Постникову передавали, что «супряжники часто буккерыют в день не более 1 дес., т. е. вдвое меньше против нормы»<sup>46</sup>. Если мы добавим к этому, что в средней группе около  $\frac{1}{5}$  дворов не имеет пахотных орудий, что эта группа более отпускает рабочих, чем нанимает (по расчету г. Постникова), – то для нас ясен будет неустойчивый, переходный характер этой группы между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом. Приведем несколько более подробные данные о вытеснении средней группы:

### *Днепровский уезд Таврической области*<sup>47</sup>

---

<sup>45</sup> По Мелитопольскому уезду из 13 789 дворов этой группы лишь 4218 обрабатывают землю сами, а 9201 – спягаются. По Днепровскому, ив 8234 дворов 4029 обрабатывают землю сами, а 3835 – спягаются. См. земско-статистические сборники по Мелитопольскому уезду (стр. Б. 195) в по Днепровскому (стр. Б. 123).

<sup>46</sup> Г-н В.В. в указанной статье много рассуждает о супряге, как «принципе кооперации» и т. д. Это ведь так просто, в самом деле замолчать тот факт, что крестьянство распадается на резко различные группы, что супряга есть кооперация падающих хозяйств, вытесняемых крестьянской буржуазией, и затем толковать «вообще» о «принципе кооперации», – вероятно, о кооперации между сельским пролетариатом и сельской буржуазией!

<sup>47</sup> Данные из земско-статистического сборника. Они относятся ко всему уезду, включая селения, не причисленные к волостям. Данные графы: «все землеполь-

Группы домохозяев	% к итогу		Надельной земли		Купчей земли	
	Дворов	Душ обоего пола	Десятин	%	Десятин	%
Бедная	39,9	32,6	56 445	25,5	2 003	6
Средняя	41,7	42,2	102 794	46,5	5 376	16
Зажиточная	18,4	25,2	61 844	28	26 531	78
<i>Всего по уезду</i>	100	100	221 083	100	33 910	100

## Продолжение

Арендован. земли		Сданной в аренду земли		Все землепользование группы		Посевная площадь	
Десятин	%	Десятин	%	Десятин	%	Десятин	%
7 839	6	21 551	65,5	44 736	12,4	38 439	11
48 398	35	8 311	25,3	148 257	41,2	137 344	43
81 646	59	3 039	9,2	166 982	46,4	150 614	46
137 883	100	32 901	100	359 975	100	326 397	100

Таким образом, распределение наделной земли наиболее «уравнительно», хотя и в нем заметно оттеснение низшей группы высшими. Но дело радикально меняется, раз мы переходим от этого *обязательного* землевладения к *свободному*, т. е. к купчей и арендованной земле. Концентрация ее оказывается громадной, и в силу этого распределение всего землепользования крестьян совсем не похоже на распределение групп» вычислены мною; сложено количество земли наделной, арендованной и купчей и вычтена земля, сданная в аренду.

ние надельной земли: средняя группа оттесняется на второе место (46 % надела – 41 % землепользования), зажиточная весьма значительно расширяет свое землевладение (28 % надела – 46 % землепользования), а бедная группа выталкивается из числа земледельцев (25 % надела – 12 % землепользования).

Приведенная таблица показывает нам интересное явление, с которым мы еще встретимся, именно: уменьшение роли надельной земли в хозяйстве крестьян. В низшей группе это происходит вследствие сдачи земли, в высшей – вследствие того, что в общей хозяйственной площади получает громадное преобладание купчая и арендованная земля. Обломки дореформенного строя (прикрепление крестьян к земле и уравнильное фискальное землевладение) окончательно разрушаются проникающим в земледелие капитализмом.

Что касается, в частности, до аренды, то приведенные данные позволяют нам разобрать одну весьма распространенную ошибку в рассуждениях экономистов-народников по этому вопросу. Возьмем рассуждения г-на В. В. В цитированной статье он прямо ставил вопрос об отношении аренды к разложению крестьянства. «Способствует ли аренда разложению крестьянских хозяйств на крупные и мелкие и уничтожению средней, типичной группы?» («Вести. Евр.», 1. с., стр. 339–340). Этот вопрос г. В. В. решал отрицательно. Вот его доводы: 1) «Большой пропет лиц, прибегающих к арен-



де». Примеры: 38–68 %; 40–70 %; 30–66 %; 50–60 % по разным уездам разных губерний. – 2) Невелика величина участков арендуемой земли на 1 двор: 3–5 дес. по данным тамбовской статистики. – 3) Крестьяне с малым наделом арендуют больше, чем с большим.

Чтобы читатель мог ясно оценить не то что состоятельность, а просто пригодность таких доводов, приводим соответствующие данные по Днепровскому уезду<sup>48</sup>.

	% арендующих дворов	Дес. пашни на 1 арендующий двор	Цена 1 дес. в рублях
У сеюших до 5 дес.	25	2,4	15,25
» » 5—10 »	42	3,9	12,00
» » 10—25 »	69	8,5	4,75
» » 25—50 »	88	20,0	3,75
» » свыше 50 »	91	48,6	3,55
<i>По уезду</i>	<i>56,2</i>	<i>12,4</i>	<i>4,23</i>

Спрашивается, какое значение могут иметь тут «средние» цифры? Неужели тот факт, что арендаторов «много» – 56 %, – уничтожает концентрацию аренды богачами? Не смешно ли брать «средний» размер аренды [12 дес. на арендующий двор. Часто берут даже не на арендующий, а на наличный двор. Так поступает, напр., г. Карышев в своем сочи-

<sup>48</sup> Совершенно аналогичны данные и по Мелитопольскому и Бердянскому уездам.

нении «Крестьянские вненадельные аренды» (Дерпт, 1892; второй том «Итого и земской статистики»)! – складывая вместе крестьян, из которых один берет 2 десятины за безумную цену (15 руб.), очевидно, из крайней нужды, на разорительных условиях, а другой берет 48 десятин, сверх достаточного количества своей земли, «покупая» землю *оптом* несравненно дешевле, по 3,55 руб. за десятину? Не менее бессодержателен и 3-й довод: г. В. В. сам позаботился опровергнуть его, признавши, что данные, относящиеся «к целым общинам» (при распределении крестьян по наделу), «не дают правильного понятия о том, что делается в самой общине» (стр. 342 указанной статьи)<sup>49</sup>.

Было бы большой ошибкой думать, что концентрация аренды в руках крестьянской буржуазии ограничивается

---

<sup>49</sup> Г-н Постников приводит интересный пример подобной же ошибки земских статистиков. Отмечая факт коммерческого хозяйства зажиточных: крестьян и требование ими земли, он указывает, что «земские статистики, видимо считая такие проявления в крестьянской жизни чем-то незаконным, караются умалить их» и доказать, что аренда определяется не конкуренцией богачей, а нуждой крестьян в земле. Составитель «Памятной книжки Таврической губ» (1889), г. Вернер, чтобы доказать это, группировал по *величине надела* крестьян всей Таврической губ., взяв группу крестьян с 1–2 работниками и 2–3 штуками рабочего скота. Оказалось, что в пределах этой группы с расширением размеров надела понижается количество арендующих дворов и арендуемой земли. Понятно, что подобный прием ровно ничего не доказывает, ибо взяты только крестьяне с одинаковым количеством рабочего скота и опущены именно крайние группы. Вполне естественно, что при равенстве в количестве рабочего скота должен быть равен и размер обрабатываемой земли, а следовательно, чем меньше надел, тем больше аренда. Вопрос состоит именно в том, как распределяется аренда между дворами с *неравным* количеством рабочего скота, инвентаря и т. д.

единоличной арендой, не простираясь на общественную, мирскую аренду. Ничего подобного. Арендованная земля распределяется всегда «по деньгам», и отношение между группами крестьянства нисколько не меняется при мирских арендах. Поэтому рассуждения, например, г. Карышева, будто в отношении мирских аренд { единоличным проявляется «борьба двух начал (!?) – общинного и личного» (стр. 159, 1. с.), будто общинным арендам «свойственно трудовое начало и принцип равномерного распределения снятого участка между общинниками» (230 *ibid.*), – эти рассуждения относятся цели-~~ю~~м к области народнических предрассудков. Несмотря на свою задачу подвести «итоги земской статистики», г. Карышев старательно обошел весь обильный земско-статистический материал о концентрации аренды в руках небольших групп зажиточного крестьянства. Приведем пример. По трем указанным уездам Таврической губ. земля, арендованная у казны *обществами* крестьян, распределяется по группам следующим образом:

	Число арендующих дворов	Число десятин	В % к итогу		Десятин на 1 арендующий двор
Сеюшие до 5 дес.	83	511	1	} 4	6,1
» 5—10 »	444	1 427	3		3,2
» 10—25 »	1 732	8 711	20	} 76	5,0
» 25—50 »	1 245	13 375	30		10,7
» свыше 50 »	632	20 283	46		32,1
<i>Всего</i>	4 136	44 307	100		10,7

Маленькая иллюстрация «трудового начала» и «принципа равномерного распределения»!

Таковы данные земской статистики о южнорусском крестьянском хозяйстве. Полное разложение крестьянства, полное господство в деревне крестьянской буржуазии ставится этими данными вне сомнения<sup>50</sup>.

Весьма интересно поэтому отношение к этим данным гг. В. В. и Н. —она, тем более, что оба эти писателя признавали раньше необходимость поставить вопрос о разложении крестьянства (г. В. В. в указанной статье 1884 года, г. Н. — он в «Слове» 1880 г. — замечанием о том любопытном явлении в самой общине, что «нехозяйственные» мужики забрасывают землю, а «хозяйственные» подбирают себе лучшую; см. «Очерки», с. 71). Необходимо заметить, что сочинение г. Постникова носит двойственный характер: с одной стороны, автор искусно собрал и тщательно обработал чрезвычайно ценные земско-статистические данные, сумев при этом оторваться от «стремления рассматривать крестьянский мир как нечто целое и однородное, каким он и до сих пор еще представляется нашей городской интеллигенции» (стр. 351 назв. соч.). С другой стороны, автор, но руководимый теори-

---

<sup>50</sup> Говорят обыкновенно, что данные о Новороссии не позволяют делать общих выводов, вследствие особенностей этой местности. Мы не отрицаем, что разложение земледельческого крестьянства здесь сильнее, чем в остальной России, но из дальнейшего будет видно, что особенность Новороссии вовсе не так велика, как иногда думают.

ей, совершенно не сумел оценить обработанных им данных и взглянул на них с крайне узкой точки зрения «мероприятий», пустившись сочинять проекты о «земледельческо-ремесленно-заводских общинах», о необходимости «ограничить», «обязать», «наблюдать» и пр. и пр. И вот наши народники постарались не заметить первой, положительной части сочинения г. Постникова, обратив все внимание на вторую часть. И г. В. В., и г. Н. — он принялись с пресерьезным видом «опровергать» совершенно несерьезные «проекты» г. Постникова (г. В. В. в «Русской Мысли» за 1894 г., № 2; г. Н. — он в «Очерках», с. 233, прим.), обвиняя его за нехорошее желание ввести капитализм в России и тщательно обходя те данные, которые обнаружили господство капиталистических отношений в современной южнорусской деревне<sup>51</sup>.

---

<sup>51</sup> «Любопытно», — писал г. Н. — он, что г. Постников «проектирует 60-десятинные крестьянские хозяйства». Но «раз сельское хозяйство попало в руки капиталистов», то производительность труда может «завтра» еще повыситься, «60-десятинные хозяйства надо будет (!) обращать в 200- или 300-десятинные». Видите, как это просто: *так как* сегодняшней мелкой буржуазии в нашей деревне грозит завтра крупная, — *поэтому* г. Н. — он не хочет знать ни сегодняшней мелкой, ни завтрашней крупной!

## II. Земско-статистические данные по Самарской губернии

От южной окраины перейдем к восточной, к Самарской губернии. Берем Новоузенский уезд, последний по времени обследования; в сборнике по этому уезду дана наиболее подробная группировка крестьян по хозяйственному признаку<sup>52</sup>. Вот общие данные о группах крестьянства (дальнейшие сведения относятся к 28 276 дворам наделного населения, со 164 146 душами обоего пола, т. е. к одному русскому населению уезда, без немцев и без «хуторян» – домохозяев, ведущих хозяйство и в общине и на хуторах. Прибавление немцев и хуторян значительно усилило бы картину разложения).

---

<sup>52</sup> «Сборник стат. свед. по Самарской губ. Т. VII, Новоузенский уезд». Самара, 1890 г. Однородная группировка дана и по Николаевскому уезду (т VI, Самара, 1889), но сведения здесь гораздо менее подробны. В «Сводном сборнике по Самарской губ.» (т. VIII, вып. 1, Самара, 1892) дана лишь группировка по наделу, о неудовлетворительности которой мы будем говорить ниже.

Группы домохозяев		% ко всему числу дворов	Средний размер посева на 1 двор десятин	% посевной площади к итогу
Бедная	Без рабочего скота	20,7	2,1	2,8
	С 1 голов. раб. скота	16,4	5,0	5,2
Средняя	» 2—3 голов. » »	26,6	10,2	17,1
	» 4 » » »	11,6	15,9	11,5
	» 5—10 » » »	17,1	24,7	26,9
Богатая	» 10—20 » » »	5,8	53,0	19,3
	» 20 и более » »	1,8	149,5	17,2
Всего		100	15,9	100

Концентрация земледельческого производства оказывается очень значительной: «общинные» капиталисты ( $\frac{1}{14}$  всего числа дворов, именно дворы с 10 и более головами рабочего скота) имеют 36,5 % всего посева – столько же, сколько и 75,3 % всего бедного и среднего крестьянства, вместе взятого! «Средняя» цифра (15,9 дес. посева на 1 двор) является и здесь, как всегда, совершенно фиктивной, создавая иллюзию общего довольства. Посмотрим на другие данные о хозяйстве разных групп.

Группы домохозяев	% хозяев, обрабатывающих весь надел собств. инвентарем	% хозяев, имеющих усовершен. орудия	Количество всего скота (в переводе на крупный) на двор голов	% к итогу всего количества скота
Без рабоч. скота	2,1	0,03	0,5	1,5
С 1 гол. раб. ск.	35,4	0,1	1,9	4,9
» 2—3 гол. раб. ск.	60,5	4,5	4,0	16,8
» 4 » » »	74,7	19,0	6,6	11,8
» 5—10 » » »	82,4	40,3	10,9	29,2
» 10—20 » » »	90,3	41,6	22,7	20,4
» 20 и более » »	84,1	62,1	55,5	15,4
<i>Всего</i>	52,0	13,9	6,4	100

Итак, в низшей группе самостоятельных хозяев очень немного; усовершенствованные орудия бедноте не достаются вовсе, а среднему крестьянству достаются в ничтожном количестве. Концентрация скота еще сильнее, чем концентрация посевов; очевидно, что зажиточное крестьянство соединяет с крупными капиталистическими посевами капиталистическое скотоводство. На противоположном полюсе мы видим «крестьян», которых следует отнести к батракам и поденщикам с наделом, ибо главным источником средств к жизни является у них продажа рабочей силы (как сейчас видим), а по одной — по две головы скота дают иногда и землевладельцы своим батракам, чтобы привязать их к своему хозяйству и произвести понижение заработной платы.

Само собой разумеется, что группы крестьян различаются не только по размеру хозяйства, но и по способу его ведения: во-1-х, в высшей группе очень значительная доля



хозяев (40–60 %) снабжена усовершенствованными орудиями (главным образом, плуги, затем конные и паровые молотилки, веялки, жнейки и пр.). В руках 24,7 % дворов высшей группы сосредоточено 82,9 % всех усовершенствованных орудий; у 38,2 % дворов средней группы – 17,0 % усовершенствованных орудий; у 37,1 % бедноты – 0,1 % (7 орудий из 5724)<sup>53</sup>. Во-2-х, у малолощадных крестьян в силу необходимости оказывается, сравнительно с многолошадными, «иная система хозяйства, иной строй всей хозяйственной деятельности», как говорит составитель сборника по Новоузенскому уезду (стр. 44–46). Состоятельные крестьяне «дают земле отдыхать... пахут с осени плугами... весной перепашивают и под борону сеют... вспаханную залежь укатывают катками, когда проветрит земля... под рожь двоят», тогда как малосостоятельные «не дают земле отдыха и из года в год сеют на ней русскую пшеницу... под пшеницу пахут весной однажды... под рожь не парят и не пахут, а сеют наволоком... под пшеницу пахут поздней весной, отчего хлеб

---

<sup>53</sup> Интересно, что из этих же данных г. В. В. («Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве». СПб. 1892, с. 225) выводил движение «крестьянской массы» к замене отсталых орудий усовершенствованными (с 254). Прием получения этого, совершенно ложного, вывода очень простой г. В. В. взял из земского сборника итоговые данные, не потрудившись заглянуть в таблицы, показывающие распределение орудий' Прогресс капиталистов-фермеров (состоящих членами общины), употребляющих машины для удешевления производства товара-хлеба, превращен одним почерком пера в прогресс «крестьянской массы». И г. В. В., не стесняясь, писал: «Хотя машины приобретаются зажиточными хозяевами, но пользуются ими все (sic!!) крестьяне» (221). Комментарии излишни.

часто не всходит... под рожь пашут однажды, а то наволоком и не вовремя... пашут зря одну и ту же землю ежегодно, не давая отдыха». «И т. д. и т. д. без конца» — заключает составитель этот список. «Констатированные факты радикального различия хозяйственных систем у больше- и малосостоятельных имеют своим последствием зерно плохого качества и плохие урожаи у одних, сравнительно лучшие урожаи у других» (ibid.).

Но как могла создаться такая крупная буржуазия в земледельческом общинном хозяйстве? Ответ дают цифры земле- владения и землепользования по группам. Всего у крестьян взятого нами подразделения имеется 57 128 дес. купчей земли (у 76 дворов) и 304 514 дес. арендованной земли, в том числе 177 789 дес. вненадельной аренды у 5602 дворов; 47 494 дес. арендованной надельной земли в других обществах у 3129 дворов и 79 231 дес. арендованной надельной земли в своем обществе у 7092 дворов. Распределение этой громадной площади, составляющей более  $\frac{2}{3}$  всей посевной площади крестьян, таково: [см. таблицу на стр. 80. *Ред.*]

Группы домохозяйств	% дворов, имеющих купчую землю			Аренда внаемной земли		Аренда владельной земли				% к итогу всей арендованной земли	% дворов безземельных, сдающих землю
						В других обществах		В своем обществе			
				% дворов, арендующих	На 1 двор десяти	% дворов	На 1 двор десяти	% дворов	На 1 двор десяти		
Без раб. скота	0,02	100	0,2	2,4	1,7	1,4	5,9	5	3	0,6	47,0
С 1 гол. раб. ск.	—	—	—	10,5	2,5	4,3	6,2	12	4	1,6	13,0
» 2—3 » » »	0,02	93	0,5	19,8	3,8	9,4	5,6	21	5	5,8	2,0
» 4 » » »	0,07	29	0,1	27,9	6,6	15,8	6,9	34	6	5,4	0,8
» 5—10 » » »	0,1	101	0,9	30,4	14,0	19,7	11,6	44	9	16,9	0,4
» 10—20 » » »	1,4	151	6,0	45,8	54,0	29,6	29,4	58	21	24,3	0,2
» 20 и более » »	8,2	1 254	92,3	65,8	304,2	36,1	67,4	58	74	45,4	0,1
Всего	0,3	751	100	19,8	31,7	11,0	15,1	25	11	100	12

Мы видим здесь громадную концентрацию купчей и арендованной земли. Более 9/10 всей купчей земли – в руках 1,8 % дворов наиболее крупных богачей. Из всей арендованной земли 69,7 % сосредоточено в руках крестьян-капиталистов, и 86,6 % – в руках высшей группы крестьянства. Сопоставление данных об аренде и о сдаче надельной земли ясно показывает переход земли в руки крестьянской буржуазии. Превращение земли в товар ведет и здесь к удешевлению оптовой закупки земли (а, следовательно, и к барышничеству земель). Определяя цену одной десятины арендуемой вненадельной земли, получаем такие цифры от низшей группы к высшей: 3,94; 3,20; 2,90; 2,75; 2,57; 2,08; 1,78 руб. Чтобы показать, к каким ошибкам приводит народников это игнорирование концентрации аренды, приведем для примера рассуждения г-на Карышева в известной книге: «Влия-

ние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русско-го народного хозяйства» (СПБ. 1897 г.). Когда хлебные цены падают, при улучшении урожая, а арендные цены растут, тогда – заключает г. Карышев – арендаторы-предприниматели должны уменьшать спрос и, значит, цены аренды подняты представителями потребительского хозяйства (I, 288). Вывод совершенно произвольный: вполне возможно, что крестьянская буржуазия поднимает цены аренды, несмотря на понижение хлебных цен, ибо улучшение урожая может компенсировать понижение цены. Вполне возможно, что зажиточные крестьяне, и при отсутствии такой компенсации, поднимают арендные цены, понижая стоимость производства хлеба посредством введения машин. Мы знаем, что употребление машин в сельском хозяйстве возрастает и что эти машины концентрируются в руках крестьянской буржуазии. Вместо того, чтобы изучать разложение крестьянства, г. Карышев подставляет произвольные и неверные посылки о среднем крестьянстве. Поэтому все его аналогично построенные заключения и выводы в цитированном издании не могут иметь никакого значения.

Выяснив разнородные элементы в крестьянстве, мы можем уже легко разобраться в вопросе о внутреннем рынке. Если зажиточное крестьянство держит в своих руках около  $\frac{2}{3}$  всего земледельческого производства, то ясно, что оно должно давать еще несравненно большую долю поступающего в продажу хлеба. Оно производит хлеб на продажу, то-

гда как несостоятельное крестьянство должно прикупать себе хлеб, продавая свою рабочую силу. Вот данные об этом<sup>54</sup>:

Группы домохозяев				% домохоз., держаш. наемн. работников	% работн. муж. пола, занятых земледельч. промыслами
Без рабочего скота				0,7	71,4
С 1	голов.	раб.	скота	0,6	48,7
» 2—3	»	»	»	1,3	20,4
» 4	»	»	»	4,8	8,5
» 5—10	»	»	»	20,3	5,0
» 10—20	»	»	»	62,0	3,9
» 20 и более	»	»	»	90,1	2,0
Всего				9,0	25,0

Предлагаем читателям сравнить с этими данными о процессе создания внутреннего рынка рассуждения наших народников... «Если богат мужик, – процветает фабрика, и наоборот» (В. В. «Прогрессивные течения», с. 9). Г-на В. В., очевидно, совершенно не интересует вопрос об общественной форме того богатства, которое нужно для «фабрики» и которое создается не иначе, как превращая в товар продукт и средства производства, с одной стороны, рабочую силу – с

<sup>54</sup> К продаже рабочей силы мы приравниваем то, что статистики называют «земледельческими промыслами» (местными и отхожими). Что под этими «промыслами» разумеется *батрачество* и *поденщина*, это ясно из таблицы промыслов («Сводный сборник по Самарской губ.», т. VIII): из 14063 мужчин, занятых «сельскохозяйственными промыслами», – батраков и поденщиков (считая пастухов и пахарей) – 13 297 человек.

другой. Г-н Н. —он, говоря о продаже хлеба, утешает себя тем, что этот хлеб — продукт «мужика-землепашца» (стр. 24 «Очерков»), что, перевозя этот хлеб, «железные дороги живут мужиком» (стр. 16). — В самом деле, разве эти «общинники»-капиталисты не «мужики»? «Мы еще когда-нибудь будем иметь случай указать, — писал г. Н. —он в 1880-м году и перепечатывал в 1893 г., — что в местностях, где преобладает общинное землевладение, земледелие на капиталистических началах почти совсем отсутствует (sic!!) и что оно возможно лишь там, где общинные связи или совсем порваны или рушатся') (с. 59). Никогда такого «случая» г. Н. —он не встретил и не мог встретить, ибо факты показывают именно развитие капиталистического земледелия *среди* «общинников»<sup>55</sup> и полное приспособление пресловутых «общинных связей» к батрацкому хозяйству крупных посевищиков.

Совершенно аналогичными оказываются отношения между группами крестьян и по Николаевскому уезду (цит. сборник, с. 826 и ел. Исключаем проживающих на стороне и безземельных). Так, например, 7,4 % дворов богачей (с 10 и более штук рабочего скота), имея 13,7 % населения, сосредоточивают 27,6 % всего скота и 42,6 % аренды, тогда как 29 % дворов бедноты (безлошадных и однолошадных), при 19,7 % населения, имеют лишь 7,2 % скота и 3 % аренды.

---

<sup>55</sup> Новоузенский уезд, взятый нами для иллюстрации, показывает особенную «живучесть общины» (по терминологии г. В. В. и К»), ив таблички «Сводного сборника» (с. 26) мы видим, что в нем 60 % общин переделали землю, тогда как в других уездах только 11–23 % (по губернии 13,8 % общин).

К сожалению, таблицы по Николаевскому уезду, повторяем, чересчур кратки. Чтобы покончить с Самарской губернией, приводим следующую в высшей степени поучительную характеристику положения крестьянства из «Сводного сборника» по Самарской губернии:

«...Естественный прирост населения, усиливаемый еще иммиграцией малоземельных крестьян из западных губерний, в связи с появлением на поприще сельскохозяйственного производства спекуляторов-торговцев землей с целью наживы, с каждым годом все усложняли формы найма земли, повышали ее ценность, сделали землю товаром, так скоро и сильно обогатившим одних и разорившим много других. Как на иллюстрацию к последнему, укажем на размеры запасек некоторых южных купеческих и крестьянских хозяйств, в которых запашки в 3–6 тысяч десятин не редкость, а некоторые практикуют посевы и до 8–10–15 тысяч десятин, при аренде нескольких десятков тысяч казенной земли.

Земледельческий (сельский) пролетариат в Самарской губернии в значительной степени обязан своим существованием и ростом последнему времени, с его возрастающим производством зерна на продажу, повышением арендных цен, с распашкой целинных и выгонных земель, расчисткой леса и тому подобными явлениями. Безземельных дворов по всей губернии насчитывается всего 21 624, тогда как бесхозяйных 33 772 (из числа надельных), а безлошадных и однолошадных вместе 110 604 семьи с 600 тыс. душами обоего

пола, считая по 5 душ с дробью на семью. Мы осмеливаемся считать и их за пролетариат, хотя они юридически и располагают той или другой долей из общинного участка земли; фактически, это – поденщики, пахари, пастухи, жнецы и тому подобные рабочие в крупных хозяйствах, засевающие на своей наделной земле  $\frac{1}{2}$ —1 десятину для прокормления остающейся дома семьи» (стр. 57–58).

Итак, исследователи признают пролетариатом не только безлошадных, но и однолошадных крестьян. Отмечаем этот важный вывод, вполне согласный с выводом г. Постникова (и с данными групповых таблиц) и указывающий настоящее общественно-хозяйственное значение низшей группы крестьянства.



### III. Земско-статистические данные по Саратовской губернии

Переходим теперь к средней черноземной полосе, к губернии Саратовской. Берем Камышинский уезд – единственный, по которому дана достаточно полная группировка крестьян по рабочему скоту<sup>56</sup>.

Вот данные о всем уезде (40 157 дворов, 263 135 дуга об. пола. Десятин посева 435 945, т. е. по 10,8 десятины на средний двор):

---

<sup>56</sup> По другим 4-м уездам губернии группировка по рабочему скоту сливает среднее и зажиточное крестьянство. См. «Свод статистических сведений по Саратовской губ.» с. I. Саратов, 1888. Б. Комбинационные таблицы у саратовских статистиков построены так: все домохозяева разбиты на 6 *категорий* по надельной земле, каждая категория на 6 *групп* по рабочему скоту и каждая группа на 4 *подразделения* по числу работников муж. пола. Итоги подведены только по *категориям*, так что по *группам* приходится делать подсчет самому. О значении такой таблицы скажем ниже.

Группы домохозяев	% дворов		% населения об. пола	Средний размер посева дес.	% всей посевной площади		% дворов без посева	Всего скота в пер. на крупн. на 1 двор	% ко всему количеству скота	
Без рабоч. скота	26,4	46,7	17,6	1,1	2,8	12,3	72,3	0,6	2,9	11,8
С 1 гол. раб. »	20,3		15,9	5,0	9,5		13,1	2,3	8,9	
» 2 » » »	14,6	32,2	13,8	8,8	11,8	34,4	4,9	4,1	11,1	32,1
» 3 » » »	9,3		10,3	12,1	10,5		1,5	5,7	9,8	
» 4 » » »	8,3		10,4	15,8	12,1		0,6	7,4	11,2	
» 5 и более »	21,1	21,1	32,0	27,6	53,3	53,3	0,2	14,6	56,1	56,1
<i>Всего</i>	100		100	10,8	100		22,7	5,2	100	

Таким образом, мы видим здесь опять концентрацию посевов в руках крупных посевищиков: зажиточное крестьянство, составляющее лишь пятую часть дворов (и около трети населения)<sup>57</sup>, держит в своих руках более половины всего посева (53,3 %), причем размер посева ясно указывает на коммерческий характер его: 27,6 дес. в среднем на двор. У зажиточного крестьянства приходится также значительное количество скота на двор: 14,6 голов (в переводе на крупный, т. е. считая 10 шт. мелкого за одну крупную), и из всего количе-

<sup>57</sup> Заметим, что, группируя дворы по состоятельности или по размеру хозяйства, мы всегда получаем *большой* состав семьи в зажиточных слоях крестьянства. Это явление указывает на связь крестьянской буржуазии с крупными семьями, получающими большее количество наделов; – отчасти и наоборот: оно свидетельствует о меньшем стремлении к разделам у зажиточного крестьянства. Не следует однако преувеличивать значение многосемейности зажиточных крестьян, которые, как видно из наших данных, прибегают в наибольшем размере к найму рабочих. «Сеченная кооперация», о которой любят толковать наши народники, является таким образом базисом капиталистической кооперации.

ства крестьянского скота в уезде почти  $\frac{3}{5}$  (56 %) сосредоточено в руках крестьянской буржуазии. На противоположном полюсе деревни мы видим противоположное явление: полную обделенность низшей группы, сельского пролетариата, который составляет в нашем примере немного менее  $\frac{1}{2}$  дворов (около  $\frac{1}{3}$  населения), получая, однако, из общей доли посева лишь  $\frac{1}{8}$ -ю, а из всего количества скота и того меньше (11,8 %). Это уже по преимуществу батраки, поденщики и промышленные рабочие с наделом.

Рядом с концентрацией посевов и возрастанием торгового характера земледелия идет превращение его в капиталистическое. Мы видим знакомое уже явление: продажу рабочей силы в низших группах и покупку ее в высших.

Группы домохозяев	% хозяев с наемными рабочими мужского пола	% промысловых хозяйств
Без рабочего скота	1,1	90,9
С 1 голов. раб. скота	0,9	70,8
» 2 » » »	2,9	61,5
» 3 » » »	7,1	55,0
» 4 » » »	10,0	58,6
» 5 и более » »	26,3	46,7
<i>Всего</i>	8,0	67,2

Здесь необходимо важное разъяснение. Уже П. Н. Скворцов заметил совершенно справедливо в одной из своих статей, что в земской статистике придается непомерно «широкое» значение термину «промысел» (или «заработки»). В самом деле, к «промыслам» относят *все и всяческие* занятия крестьян вне надела; и фабриканты и рабочие, и владельцы мельниц, бахчей и поденщики, батраки; и скупщики, торговцы и чернорабочие; и лесопромышленники и лесорубы; и подрядчики и строительные рабочие; и представители свободных профессий, служащие и нищие и т. д. – все это «промышленники»! Это дикое словоупотребление есть переживание того традиционного – мы вправе даже сказать: официального – воззрения, по которому «надел» есть «настоящее», «естественное» занятие мужика, а все остальные занятия относятся безразлично к «сторонним» промыслам. При крепостном праве такое словоупотребление имело *raison d'être*<sup>58</sup>, но теперь это – вопиющий анахронизм. Подобная терминология держится у нас отчасти и потому, что она замечательно гармонирует с фикцией о «среднем» крестьянстве и *прямо исключает возможность* изучать разложение крестьянства (особенно в тех местностях, где «сторонние» занятия крестьян обильны и разнообразны. Напомним, что Камышинский уезд является выдающимся центром сарпиночного промысла). Обработка<sup>59</sup> подворных сведений

---

<sup>58</sup> Основание. *Ред.*

<sup>59</sup> Говорим «обработка», потому что собираются сведения о промыслах кре-

о крестьянском хозяйстве будет неудовлетворительной, пока «промыслы» крестьян не будут распределяемы по их экономическим типам, пока среди «промышленников» не будут отделяться *хозяева* от *наемных рабочих*. Это – минимальное количество экономических типов, без разграничения которых экономическая статистика не может быть признана удовлетворительной. Желательна, разумеется, более подробная группировка, например: хозяева с наемными рабочими – хозяева без наемных рабочих – торговцы, скупщики, лавочники и пр. – ремесленники в смысле работающих на потребителя промышленников и т. д.

Возвращаясь к нашей табличке, заметим, что мы имели все же известное право отнести «промыслы» на счет продажи рабочей силы, ибо наемные рабочие преобладают обыкновенно среди крестьянских «промышленников». Если бы можно было выделить из последних одних наемных рабочих, то мы получили бы, конечно, несравненно меньший процент «промышленников» в высших группах.

Что касается данных о наемных рабочих, то мы должны отметить здесь полную ошибочность мнения г. Харизоме-нова, будто «краткосрочный наем [рабочих] на жнитво, покос и поденщину, составляя слишком распространенное явление, не может служить характерным признаком силы или слабости хозяйства» (стр. 46 «Введения» к «Своду»). И теоретические соображения, и пример Западной Европы, и рус-

---

стьян при подворных переписях очень обстоятельные и подробные.

ские данные (о них ниже) заставляют, напротив, видеть в найме поденных рабочих весьма характерный признак сельской буржуазии.

Наконец, относительно аренды данные показывают и здесь тот же захват ее крестьянской буржуазией. Заметим, что в комбинационных таблицах саратовских статистиков не дано число хозяев, арендующих землю и сдающих ее, а только количества арендованной и сданной<sup>60</sup> земли; нам придется поэтому определять величину аренды и сдачи на *наличный*, а не на арендующий двор.

Группы домохозяев	Приходится на 1 наделный двор десятин			% к итогу земли			Всего зем- лепользо- вания (на- дельная земля + аренда — сдача) %
	Наделной пашни	Арендowanej земли	Сданной в аренду земли	Наделной	Арендowanej	Сданной в аренду	
Без раб. скота	5,4	0,3	3,0	16	1,7	52,8	5,5
С 1 год. раб. скота	6,5	1,6	1,3	14	6	17,6	10,3
» 2 » » »	8,5	3,5	0,9	13	9,5	30,1	8,4
» 3 » » »	10,1	5,6	0,8	10	34	9,5	4,8
» 4 » » »	12,5	7,4	0,7	11	11,1	4,1	17,3
» 5 и более »	16,1	16,3	0,9	38	62,2	12,3	10,4
Всего	9,3	5,4	1,5	100	100	100	34,6
							10,4
							34,6

<sup>60</sup> Всего по уезду сдается 61639 дес. пашни, т. е. около  $\frac{1}{6}$  всей наделной пашни (377305 десятин).

Таким образом и здесь мы видим, что чем зажиточнее крестьянство, тем *больше* оно арендует, *несмотря* на большую обеспеченность его наделной землей. И здесь мы видим, что зажиточное крестьянство оттесняет среднее и что роль наделной земли в крестьянском хозяйстве имеет тенденцию уменьшаться на обоих полюсах деревни.

Остановимся подробнее на этих данных об аренде. С ними связаны весьма интересные и важные исследования и суждения г. Карышева (цит. «Итоги») и «поправки» к ним г. Н. —она.

Г-н Карышев посвятил особую главу (III) «зависимости аренды от достатка съемщиков». Общий вывод, к которому он пришел, состоит в том, что *«при прочих равных условиях»* борьба за съемную землю склоняется в пользу более состоятельных» (стр. 156). «Дворы, сравнительно более обеспеченные... оттесняют на второй план группу дворов менее обеспеченных» (стр. 154). Мы видим, следовательно, что вывод из общего обзора данных земской статистики получается гот же самый, к которому приводят и изучаемые нами данные. При этом изучение зависимости размеров аренды от размеров надела привело г-на Карышева к тому выводу, что группировка по наделу «затемняет смысл интересующего нас явления» (стр. 139): «большими арендами... пользуются а) *менее* обеспеченные землей *разряды*, но б) *более* обеспеченные в них *группы*. Очевидно, здесь мы имеем де-

ло с двумя прямо противоположными влияниями, смешение которых препятствует понять значение каждого» (ib.). Этот вывод разумеется сам собою, если мы последовательно будем проводить точку зрения, различающую группы крестьян *по состоятельности*: мы видели везде в наших данных, что зажиточное крестьянство перебивает аренду, несмотря на то, что оно лучше наделено землей. Ясно, что именно зажиточность двора является *определяющим фактором* при аренде и что этот фактор видоизменяется только, но не перестает быть определяющим, с изменением условий надела и условий аренды. Но г. Карышев, хотя и исследовал влияние «достатка», не стоял последовательно на указанной точке зрения, и потому охарактеризовал явление *неточно*, говоря о прямой зависимости между земельным обеспечением съемщика и арендой. Это с одной стороны. С другой стороны, оценить все значение перебивания аренды богатыми помешала г. Карышеву односторонность его исследования. Изучая «вненадельную аренду», он ограничивается тем, что сводит земско-статистические данные об аренде, без отношения к собственному хозяйству съемщиков. Понятно, что при таком, более формальном, изучении вопрос об отношении аренды к «достатку», о торговом или коммерческом характере аренды не мог быть разрешен. Г-н Карышев, например, имел в руках те же данные по Камышинскому уезду, но он ограничился перепечаткой абсолютных цифр одной аренды (см. приложение, № 8, с. XXXVI) и вычислением *средних*



величин аренды на наделный двор (текст, стр. 143). Концентрация аренды в руках зажиточного крестьянства, промышленный характер ее, связь ее со сдачей земли низшей группой крестьянства, – все это осталось в стороне. Итак, г. Карышев не мог не заметить, что земско-статистические данные опровергают народническое представление об аренде и показывают вытеснение бедноты зажиточным крестьянством, но он дал неточную характеристику этого явления и, не изучив его со всех сторон, впал в противоречие с этими данными, повторяя старую песенку о «трудовом начале» и т. д. Но и простое уже констатирование экономической розни и борьбы в крестьянстве показалось гг. народникам ересью, и они пустились «исправлять» г. Карышева по-своему. Вот как делает это г. Н. —он, «пользующийся», как он заявляет (стр. 153, прим.), возражениями против г. Карышева со стороны г. Н. Каблукова. В § IX своих «Очерков» г. Н. —он рассуждает об аренде и разных формах ее. «Когда во владении крестьянина, – говорит он, – находится земли достаточно настолько, чтобы существовать земледельческим трудом на собственной земле, то он ее не арендует» (152). Итак, существование предпринимательства в крестьянской аренде, перебивание ее богачами, ведущими торговые посевы, г. Н. —он, не обинуясь, отрицает. Его Доказательства? – Никаких абсолютно: теория «народного производства» не доказывается, а декретируется. Против г. Карышева г. Н. —он приводит из земского сборника по Хвалынскому уезду

табличку, доказывающую, что «при одинаковой наличности рабочего скота, чем меньше земли в наделе, тем более приходится этот недостаток пополнять арендой» (153)<sup>61</sup>, и еще: «если крестьяне поставлены в совершенно одинаковые условия по владению скотом, и если у них в хозяйстве есть достаточно рабочих сил, то они снимают тем больше земли, чем меньшим наделом владеют сами» (154). Читатель видит, что подобные «выводы» – простая словесная придирка к неточной формулировке г-на Карышева, что вопрос о связи аренды с достатком г. Н. —он просто заговаривает бессодержательными пустяками. Не ясно ли само собою, что при *одинаковой* наличности рабочего скота, чем меньше своей земли, тем больше аренды? Об этом нечего и говорить, ибо тут берется одинаковым именно тот *достаток*, о *различиях* в котором идет речь. Утверждение г-на Н. —она, что крестьяне, имеющие достаточно земли, не арендуют, – этим абсолютно не доказывается, и таблички г-на Н. —она показывают только, что он не понимает приводимых им цифр: приравнивая крестьян по количеству надельной земли, он еще рельефнее выставляет этим роль «достатка» и перебивание аренды в связи со сдачей земли беднотой (со сдачей тем же зажиточным крестьянам, разумеется)<sup>62</sup>. Пусть читатель вспомнит

---

<sup>61</sup> Совершенно такую же табличку дают статистики и по Камышинскому уезду. «Сборник стат. свед. по Саратов. губ.», т. XI. Камышинский уезд, стр. 249 и сл. Поэтому мы вполне можем пользоваться данными по взятому нами уезду.

<sup>62</sup> На то, что приводимые г. Н. —оном данные побивают его выводы, указал уже г. П. Струве в своих «Критических замечках».

приведенные сейчас данные о распределении аренды по Камышинскому уезду; представьте себе, что мы выделили крестьян с «одинаковой наличностью рабочего скота» и, разбивая их на категории по наделу и на подразделения по работникам, заявляем, что чем меньше земли, тем они больше арендуют, и т. п. Разве от такого приема улетучится группа зажиточного крестьянства? А г. Н. — он своими пустыми фразами достиг именно того, что она улетучилась и он получил возможность повторять старые предрассудки народничества.

Абсолютно непригодный прием г. Н. — она — расчислять аренду крестьян на один двор по группам с 0, 1, 2 и т. д. работниками — повторяет и г. Л. Маресс в книге «Влияние урожаев и хлебных цен и т. д.» (I, 34). Вот маленький примерчик тех «средних», которыми смело пользуется г. Маресс (подобно другим авторам книги, написанной с предвзятой народнической точки зрения). По Мелитопольскому уезду — рассуждает он — на один арендующий двор приходится десятин аренды — 1,6 дес. в дворах без работников муж. пола; 4,4 дес. — в дворах с одним работн.; 8,3 — с двумя; 14,0 — с тремя (с. 34). И заключение — о «приблизительно равномерном подушном распределении аренды»!! Г-н Маресс не счел нужным посмотреть на *действительное* распределение аренды по группам дворов разной хозяйственной состоятельности, хотя он мог это узнать и из книги г. В. Постникова и из земских сборников. «Средняя» цифра — 4,4 дес. аренды на 1

аренд, двор в группе дворов с 1 работн. муж. пола получена из *сложения* таких цифр, как 4 дес. в группе дворов, сеющих 5–10 дес. и имеющих 2–3 гол. раб. скота, – и 38 дес. в группе дворов, сеющих более 50 дес. и имеющих 4 и более голов рабоче- го скота. (См. Сборник по Мелитопольскому уезду, стр. Г. 10–11.) Неудивительно, что при *сложении* богачей и бедноты вместе и при делении на число слагаемых можно везде, где угодно, получить «равномерное распределение»!

В действительности по Мелитопольскому уезду 21 % Дворов богачей (25 и более дес. посева), при 29,5 % крестьянского населения, имеют, – несмотря на наибольшую обеспеченность их надельной и купчей землей, – 66,3 % всей арендованной пашни. (Сборник по Мелитопольскому уезду, стр. Б. 190–194.) Наоборот, 40 % дворов бедноты (до 10 дес. посева), при 30,1 % крестьянского населения, имеют, – несмотря на наименьшую их обеспеченность надельной и купчей землей, – 5,6 % всей арендованной пашни. Как видите, очень похоже на «равномерное подушное распределение»!

Г-н Маресс основывает все свои расчеты относительно крестьянской аренды на «допущении», что «арендующие дворы по преимуществу приходятся на две низшие по обеспеченности группы» (по обеспеченности *наделом*)', что «арендуемая земля имеет среди арендующего населения равномерное подушное (sic!) распределение»; и что «аренда обуславливает переход крестьян из низших по обеспеченности групп в высшие» (34–35). Мы показали уже, что

все эти «допущения» г-на Маресса прямо противоречат действительности. На деле все это обстоит как раз наоборот, и г. Маресс не мог бы не заметить этого, если бы, — трактуя о неравенствах в хозяйственном быте (с. 35), — взял данные о группировке дворов по хозяйственным признакам (а не по владению наделом) и не ограничивался голословным «допущением» народнических предрассудков.

Сравним теперь Камышинский уезд с другими уездами Саратовской губернии. Отношения между группами крестьян везде однородны, как показывают нижеследующие данные по тем 4-м уездам (Вольскому, Кузнецкому, Балашовскому и Сердобскому), в которых соединено, как мы сказали, среднее и зажиточное крестьянство:

4 уезда Саратовской губернии

в % к итогу

Группы домохозяев	Дворов	Населения об. пола	Всего скота	Надельной земли	Аренды	Всего землепользования	Посева
Без раб. скота	24,4	15,7	3,7	14,7	2,1	8,1	4,4
С 1 гол. »	29,6	25,3	18,5	23,4	13,9	19,8	19,2
»2 и более	46,0	59,0	77,8	61,9	84,0	72,1	76,4
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Следовательно, везде мы видим оттеснение бедноты достаточным крестьянством. Но в Камышинском уезде зажи-

точное крестьянство и численно больше и богаче, чем в других уездах. Так, в 5-ти уездах губернии (включая и Камышинский) дворы распределяются по раб. скоту так: без раб. скота – 25,3 %; с 1 головой – 25,5 %; с 2–20 %; с 3–10,8 %; и с 4 и более – 18,4 %, тогда как по Камышинскому уезду, как мы видели, зажиточная группа больше, но зато несостоятельная несколько меньше. Далее, если мы соединим среднее и зажиточное крестьянство, т.е. возьмем дворы с 2 и более головами раб. скота, то получим следующие данные по уездам:

*Приходится на 1 двор, имеющий 2 и более головы рабочего скота*

	Камышинский	Вольский	Кузнецкий	Балашов-ский	Сердоб-ский
Рабочего скота, голов	3,8	2,6	2,6	3,9	2,6
Всего » »	9,5	5,3	5,7	7,1	5,1
Надельной земли, дес.	12,4	7,9	8	9	8
Арендван. » »	9,5	6,5	4	7	5,7
Посева » »	17	11,7	9	13	11

То есть в Камышинском уезде достаточное крестьянство богаче. Этот уезд принадлежит к наиболее многоземельным: 7,1 дес. надела на 1 ревизскую душу<sup>[40]</sup> муж. пола против 5,4 дес. по губернии. Следовательно, многоземелье «крестьянства» означает лишь большую численность и большее богатство крестьянской буржуазии.

Заканчивая этим обзор данных по Саратовской губернии,

мы считаем необходимым остановиться на вопросе о группировке крестьянских дворов. Как, вероятно, заметил уже читатель, мы отвергаем а limine<sup>63</sup> группировку по наделу и пользуемся исключительно группировкой по хозяйственной состоятельности (по раб. скоту; по посеву). Необходимо мотивировать такой прием. Группировка по наделу пользуется несравненно большей распространенностью в нашей земской статистике, и в защиту ее приводят обыкновенно два следующих, на первый взгляд очень убедительных, довода<sup>64</sup>. Говорят, во-1-х, что для изучения быта земледельческого крестьянства естественна и необходима группировка по земле. – Такой довод игнорирует существенную особенность русской жизни, именно: несвободный характер надельного землевладения, которое носит, в силу закона, уравнительный характер и мобилизация которого до последней степени стеснена. Весь процесс разложения земледельческого крестьянства в том и состоит, что жизнь обходит эти юридические рамки. Пользуясь группировкой по наделу, мы складываем вместе бедняка, который сдает землю, и богача, который арендует или покупает землю; – бедняка, который забрасывает землю, и богача, который «собирает» землю; – бедняка, который ведет самое плохое хозяйство с ничтож-

---

<sup>63</sup> Сразу же. *Ред.*

<sup>64</sup> См., например, введения к «Своду» по Саратовской губ., к «Сводному сборнику» по Самарской губ., и «Сборнику» оценочных сведений по 4-м уездам Воронежской губ. и другие земско-статистические издания.

ным количеством скота, и богача, который имеет много скота, удобряет землю, вводит улучшения и пр. и пр. Мы складываем, другими словами, сельского пролетария с представителями сельской буржуазии. Получаемые от такого сложения «средние» *затушевывают разложение* и являются по тому чисто фиктивными<sup>65</sup>. Описанные нами выше комбинационные таблицы саратовских статистиков дают возможность наглядно показать непригодность группировки по наделу. Возьмем, напр., категорию безнадельных крестьян в Камышинском уезде (см. «Свод», с. 450 и сл., Сборник по Камышинскому уезду, т. XI, с. 174 и ел.). Составитель «Свода», характеризуя эту категорию, называет ее посев «весьма незначительным» («Введение», с. 45), т. е. относит ее к бедноте. Возьмем таблицы. «Средний» посев этой категории – 2,9 дес. на двор. Но взгляните, как образовалась такая «сред-

---

<sup>65</sup> Пользуемся редким случаем отметить свою солидарность с мнением г. В. В., который приветствовал в своих журнальных статьях 1885 и последующих годов «новый тип земско-статистических изданий», именно комбинационные таблицы, позволяющие группировать подворные сведения не по наделу только, но и по хозяйственной состоятельности. «Необходимо, – писал тогда г. В. В., – цифровые данные приурочивать не к такому конгломерату разнообразнейших экономических групп крестьян, как сего или община, а к самим этим группам» (В. В. «Новый тип местно-стат. издания», стр. 189 и 190 в «Северном Вестнике» 1885 г., № 3. Цитировано в «Введении» к «своду» по Саратовской губ., стр. 36). К величайшему сожалению, г. В. В. ни в одной из своих позднейших работ не попытался взглянуть на данные о разных группах крестьянства и даже замолчал, как мы видели, фактическую часть книги г. В. Постникова, который едва ли не впервые попробовал разработать данные о разных группах крестьянства, а не о «конгломератах разнообразнейших групп». Отчего бы это?



няя»: от сложения вместе крупных посевищиков (по 18 дес. на двор в группе с 5 и более головами рабочего скота; дворов этой группы во всей категории около  $\frac{1}{8}$ , но у них около половины всего посева категории) – и бедноты, безлошадных, с 0,2 дес. посева на двор! Возьмите дворы с батраками. Всего в категории их очень мало – 77, т. е. 2,5 %. Но из этих 77–60 в высшей группе, сеющей по 18 дес. на двор, и в ней дворы с батраками составляют уже 24,5 %. Ясно, что мы затушевываем разложение крестьян, изображаем неимущее крестьянство в лучшем свете, чем оно есть в действительности (от прибавления к нему богачей и от вычисления средних), а зажиточное крестьянство, наоборот, изображаем менее сильным, ибо в категории многонадельных вместе с большинством состоятельных входят и несостоятельные (известно, что и в многонадельных общинах всегда есть несостоятельные). Нам ясна теперь неправильность и второго довода в защиту группировки по наделу. Говорят, что при такой группировке мы получаем всегда правильное повышение признаков состоятельности (количество скота, посева и пр.) с повышением размеров надела. – Факт бесспорный, ибо наделная земля является одним из важнейших факторов благосостояния. Поэтому в многонадельном крестьянстве оказывается всегда больше представителей крестьянской буржуазии, а от этого и «средние» цифры для всей категории по наделу повышаются. Однако из всего этого никак еще нельзя вывести правильности такого приема, который сливает сельскую

буржуазию и сельский пролетариат.

Заключаем: ограничиваться группировкой по наделу при обработке подворных данных о крестьянстве не следует. Экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки *размеры и типы хозяйства*. Признаки для различения этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия, – необходима комбинация двух указанных систем группировки, т. е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам «промыслов». Вопрос о приемах сводки подворных записей о крестьянском хозяйстве вовсе не такой узко специальный и второстепенный вопрос, как можно бы думать с первого взгляда. Напротив, не будет никакого преувеличения сказать, что в настоящее время это – основной вопрос земской статистики. Полнота подворных сведений и техника их соби-  
рания<sup>66</sup> достигли высокой степени совершенства, но вслед-

---

<sup>66</sup> О технике земских переписей смотри, кроме вышеназванных изданий, статью г. Фортунатова в I томе «Итогов земской статистики» Образцы подворных

ствие неудовлетворительной сводки масса драгоценнейших сведений прямо-таки теряется, и исследователь получает в свое распоряжение только «средние» цифры (по общинам, волостям, разрядам крестьян, по величине надела и т. д.). А эти «средние», как мы уже видели и увидим ниже, зачастую совершенно фиктивны.

---

карточек напечатаны в «Введении» к «Сводному сборнику по Самарской губ.» и к «Своду» по Саратов. губ, в «Сборнике стат. свед. по Орловской губ.» (т II, Елецкий у.), в «Материалах для статистики Красно-уфимского уезда Пермской губ.». Вып. IV. Особенной полнотой отличается пермская карточка.

## **IV. Земско-статистические данные по пермской губернии**

Перенесем теперь наш обзор земско-статистических данных в губернию, находящуюся в совершенно отличных условиях: Пермскую. Берем Красноуфимский уезд по которому мы имеем группировку дворов по размеру земледельческого хозяйства<sup>67</sup>

---

<sup>67</sup> «Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губ.». Вып. III. Таблицы. Казань. 1894. Для сравнения мы приведем ниже главные данные и по Екатеринбургскому уезду по которому дана такая же группировка. «Сборник стат свед. по Екатеринбургскому уезду Пермской губ.». Изд. Екат. уездного земства. Екатеринбург 1891.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

# Комментарии

1.

Книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» является итогом огромной исследовательской работы, продолжавшейся свыше трех лет. В. И. Ленин усиленно начал работать над книгой в тюрьме, вскоре после ареста по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и закончил ее в ссылке в селе Шушенском. Но собирать материалы для своей книги он начал задолго до ее написания.

2.

В феврале или в начале марта 1899 года Ленин получил в ссылке книгу «Die Agrarfrage» («Аграрный вопрос») К. Каутского, бывшего тогда еще марксистом. К этому времени большая часть книги. «Развитие капитализма в России» была уже набрана, и Ленин решил сослаться на работу Каутского в предисловии. 17 (29) марта 1899 года Ленин послал Postscriptum к предисловию. «Если только не поздно, — писал он, — очень бы хотелось напечатать его... Может быть, если даже предисловие уже набрано, возможно набрать еще и Postscriptum?» Добавление к предисловию попало к цензору и подверглось там правке. Об этом Ленин сообщает в письме от 27 апреля 1899 года: «Слышал, что Р. С. в предисловии опоздал, попал в предварительную цензуру и «пострадал» кажется» (Сочинения, 4 изд., том 34, стр.

16). Насколько он пострадал от цензуры, – ввиду отсутствия рукописи, – судить невозможно.

3.

Третий том «Капитала» К. Маркса появился на немецком языке в 1894 году (предисловие Энгельса к первому изданию третьего тома помечено 4 октября 1894 года). В 1896 году третий том «Капитала» был издан на русском языке в переводе Н. Ф. Даниельсона.

4.

Во втором издании книги «Развитие капитализма в России» (1908 года) нумерация параграфов изменилась, так как Ленин внес в книгу ряд дополнений. Место, к которому здесь отсылает Ленин, в настоящем издании находится в гл. II, § XII. – (В), стр. 160–161.

5.

В Обществе для содействия русской промышленности и торговле 17 февраля 1899 года обсуждался доклад на тему:

6.

Второе издание книги «Развитие капитализма в России» вышло в 1908 году. Извещение об ее выходе было напечатано в марте 1908 года в № 10 «Книжной Летописи». Для второго издания Ленин заново просмотрел

текст, устранил опечатки и сделал многочисленные дополнения, а также написал новое предисловие ко второму изданию, датированное июлем 1907 года. Во втором издании «Развития капитализма в России» подцензурные выражения «ученики», «сторонники трудящихся» Ленин заменил прямыми названиями – марксисты, социалисты; упоминания о «новой теории» заменены ссылками на Маркса и марксизм.

7.

К. Маркс цитировал выражение Гейне о своих подголосках: «Я сеял зубы драконов, а сбор жатвы дал мне блох» в IV главе II тома работы «Немецкая идеология» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 3, 1955, стр. 514).

8.

Партия октябристов (или «Союз 77 октября») возникла в России после опубликования манифеста 17 октября 1905 года, в котором напуганный революцией царь обещал дать народу «незыблемые основы гражданской свободы». Партия представляла и защищала интересы крупных промышленников и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику



царского правительства. С осени 1906 г. октябристы стали правительственной партией.

**9.**

Кадеты – члены конституционно-демократической партии, главной партии империалистической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители либерально-монархической буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты, прикрывавшиеся фальшивыми «демократическими» фразами в целях привлечения на свою сторону крестьянства. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Кадеты были сторонниками сохранения монархического строя, своей главной целью они считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками.

**10.**

3 июня 1907 года была распущена II Государственная дума и издан новый закон о выборах в III Государственную думу, обеспечивавший помещикам и капиталистам большинство в Думе. Царское правительство вероломно нарушило собственный манифест 17 октября 1905 года, уничтожило конституционные права, предало суду и сослало на

каторгу социал-демократическую фракцию II Думы. Так называемый третьеиюньский государственный переворот знаменовал временную победу контрреволюции.

## 11.

«Народные социалисты» (или энессы) – члены трудовой народно-социалистической партии, выделившейся из правого крыла партии социалистов-революционеров (эсеров) в 1906 году. Они отражали интересы кулачества, высказывались за частичную национализацию земли с выкупом ее у помещиков и распределением среди крестьян по так наз. трудовой норме. Энесы выступали за блок с кадетами. Ленин называл их «социал-кадетами», «мещанскими оппортунистами», «эсеровскими меньшевиками», колеблющимися между кадетами и эсерами, подчеркивая, что эта партия «очень мало отличается от кадетов, ибо устраняет из программы и республику и требование всей земли». Во главе партии стояли А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин и др. После Февральской буржуазно-демократической революции партия народных социалистов слилась с трудовиками, активно поддерживала деятельность буржуазного Временного правительства, послав в его состав своих представителей. После Октябрьской социалистической революции энесы участвовали в контрреволюционных заговорах и

вооруженных выступлениях против Советской власти. Партия прекратила свое существование в период гражданской войны.

## **12.**

Трудовики («трудовая группа») – группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах России, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка.

## **13.**

Молчалинство – синоним угодничества, подхалимства; по имени Молчалина – персонажа из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

## **14.**

В первом издании «Развития капитализма в России» (1899 год) эта глава называлась «Справки с теориею».

## **15.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 650.

## **16.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 650.

## **17.**

Здесь и в дальнейшем страницы первого тома немецкого

издания «Капитала» К. Маркса даны по второму его изданию. В большинстве случаев В. И. Ленин сам оговорил это пометкой: «I2». См. стр. 165 и др. настоящего тома.

**18.**

К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 749 и 750–751.

**19.**

Сверхстоимость – прибавочная стоимость (Mehrwert, по Марксу). В работах 90-х годов В. И. Ленин употреблял термин «сверхстоимость» наряду с термином «прибавочная стоимость». Позднее он пользовался только термином «прибавочная стоимость».

**20.**

К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 471.

**21.**

К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 373.

**22.**

К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 595.

**23.**

К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 596.

**24.**

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 206–208.

**25.**

См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 362–363.

**26.**

К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 394.

**27.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 316.

**28.**

К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 439.

**29.**

К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 314.

**30.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 254–255.

**31.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 260.

**32.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 498.

**33.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 316.

**34.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 857.

**35.**

К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, предисловие Энгельса, стр. 16.

**36.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 854–855.

**37.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 858.

**38.**

Земско-статистические подворные переписи – обследования крестьянских хозяйств земскими статистическими органами. Эти переписи, подчиненные главным образом налоговым требованиям, получили большое распространение в 80-х годах XIX века. Подворные переписи давали богатый фактический материал, который публиковался в статистических сборниках по уездам и губерниям. Однако земские статистики, среди

которых преобладали народники, зачастую тенденциозно обрабатывали и неправильно группировали статистические данные, чем в значительной мере обесценивали их. «Здесь – самый больной пункт нашей земской статистики, великолепной по тщательности работы и детальности ее», – писал Ленин. В земско-статистических сборниках и обзорах за горами цифр исчезали экономические типы явлений, за столбцами средних цифр пропадали существенные отличия и признаки отдельных групп крестьянства, образовавшихся в ходе развития капитализма.

### 39.

Книга В. Е. Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство» подробно разобрана Лениным в одной из его первых работ – «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», которая вошла в первый том настоящего издания. Там же опубликованы пометки Ленина на книге Постникова.

### 40.

Ревизские души – мужское население крепостной России, подлежавшее обложению подушной податью вне зависимости от возраста и трудоспособности (главным образом крестьяне и мещане). Число ревизских душ учитывалось особыми переписями (так называемыми «ревизиями»), которые проводились в России с 1718

года; в 1857–1859 годах была проведена последняя, десятая, «ревизия». По ревизским душам в ряде районов происходили переделы земли внутри сельских общин.

### **116.**

«Невступно» – в данном месте означает: неправомерно, без всяких оснований.

### **117.**

Здесь и в дальнейшем пометка «Примечание ко 2-му изданию» принадлежит В. И. Ленину. Эти примечания написаны при подготовке второго издания книги (1908 года). Примечания редакции настоящего издания везде отмечены «Ред.».

### **118.**

К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 349–524.

### **119.**

Книжка Эд. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», ревизовавшая революционный марксизм в духе буржуазного реформизма, появилась в 1899 году и была получена Лениным в ссылке уже после выхода первого издания книги «Развитие капитализма в России», поэтому критические замечания Ленина по поводу оппортунистических положений Бернштейна могли быть



включены лишь во второе издание книги.

**120.**

К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 857–860.

**121.**

Полное название этого источника – «Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Статистические таблицы о хозяйственном положении селений Мелитопольского уезда. Приложение к первому тому сборника». Симферополь, 1885.